

Рацлава Зарецкая

Синдром
потерянной
души

16+

Рацлава Зарецкая

Синдром потерянной души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67587218

SelfPub; 2022

Аннотация

Восемнадцатилетняя Алиса страдает от редкой болезни, названия которой еще нет в науке, но среди шаманов она именуется как «синдром потерянной души». Ее тело не может надолго удерживать душу, из-за чего в моменты, когда девушка испытывает сильные негативные эмоции, происходит переселение в другое тело – как правило, в молодое и женское. Из-за болезни у Алисы нет друзей. Она сидит в золотой клетке и почти не видит мир вокруг. И вот однажды, перед Новым годом, Алиса впервые за все время переселяется в мужское тело. С этого момента ее бесцельная и скучная жизнь переворачивается с ног на голову...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	39
Глава 6	48
Глава 7	55
Глава 8	67
Глава 9	75
Глава 10	80
Глава 11	87
Глава 12	97
Глава 13	110
Глава 14	118
Глава 15	125
Глава 16	139
Эпилог	158

Рацлава Зарецкая

Синдром потерянной души

Пролог

Меня зовут Алиса. Мне восемнадцать лет. Внешне я почти ничем не отличаюсь от моих сверстниц, однако внутри я больна. Дело в том, что мое тело не может надолго удерживать мою душу. Никто толком мне не объяснил, почему это происходит. Некоторые говорят, что это из-за того, что мое тело слишком слабое, а душа слишком сильная. Другие считают, что мой дух просто изначально не смог закрепиться в теле, и поэтому время от времени вылетает и вселяется в другое тело, которое находится поблизости. В науке моему недугу нет названия, но среди шаманов он именуется как «синдром потерянной души».

Переселение происходит в моменты, когда я испытываю сильные негативные эмоции: боль, злость, страх, обиду и так далее. Как только я начинаю испытывать подобное, то все – привет новому телу.

Как правило, я задерживаюсь в нем на несколько недель, а то и месяцев, и выйти сама не могу. Столь долгое пребывание двух душ в одном теле убивает ту, которую я подавляю. Так что, в довершении ко всему, я становлюсь еще и

убийцей.

Единственное, что утешает – я вселяюсь в молодые женские тела. Зачастую примерно своего возраста. Никаких текток, бабушек и, слава богу, мужчин.

Из-за своей болезни я не хожу в школу, почти не гуляю, и у меня нет друзей. В телефоне у меня всего три номера – мама, бабушка и доставка пиццы.

Примерно раз в месяц мама с бабушкой находят какого-то очередного шамана или колдуна, и везут меня к нему на осмотр.

Так, в декабре, почти перед самым Новым годом, мы поехали в соседний город, где жил один относительно молодой шаман. Мама узнала, что у него тоже был «синдром потерянной души», и, каким-то чудом, он с ним якобы справился.

Когда мы приехали к нему, он быстро осмотрел меня, улыбнулся белозубой и хитрой улыбкой, и спросил:

– Ты когда-нибудь была счастлива?

Я открыла было рот для утвердительного ответа, но что-то вдруг помешало мне ответить. До этого момента я без сомнений считала, что абсолютно счастлива, ведь, по сути, у меня было все, что мне требовалось. Из-за того, что я была лишена школы и друзей, мама с бабушкой постарались обеспечить меня всем остальным – в деньгах мы никогда не нуждались. В моей комнате была куча книг, видеоигр, комиксов и прочих развлечений. Я была зарегистрирована во многих соцсетях, и у меня не было недостатка в друзьях по перепис-

ке. Однако вопрос молодого шамана внезапно заставил меня задуматься. Сжав гладкую ручку прозрачного зонтика, с которым в дождливую и снежную погоду практически не расставалась, я мысленно задала себе вопрос: действительно ли я была счастлива?

Однако дать ответ я так и не смогла. Через несколько минут в комнату вломилась мама с бабушкой, и, выставив меня за дверь, начали расспрашивать шамана о моем состоянии и о том, как он вылечился.

Сидя на старом и потертom кресле рядом с дверью, через которую доносились приглушенные голоса взволнованных родственников, я изо всех сил пыталась услышать ответ шамана, однако ничего кроме его веселого смеха я разобрать не могла – в отличие от моих родственников мужчина говорил негромко.

Отбросив попытки что-либо услышать, я откинула голову назад и начала думать о вопросе шамана.

Итак, была ли я хоть раз по-настоящему счастлива за все свои восемнадцать лет?

Отнюдь.

Мне лишь казалось. Что я счастлива. Сама себя окутала сладкой и уютной ложью, которая затмила горькую правду.

Обида нахлынула на меня ледяной черной волной. Густой и вязкой, оставляющей на душе склизкие черные подтеки, которые тут же впитывались, делая обиду все сильнее и сильнее.

Еще одно печальное осознание вдруг пронзило мою душу: я не только ни разу не испытывала счастья, но еще и была одинока. Забавно, не правда ли, быть одинокой при живых родителях? И все же именно одиночество затапливало меня все это время, просто я до сих пор не хотела этого понимать. Черное, тягучее, холодное. Оно покрывало всю мою душу, грызлось в нее, постепенно вытачивая в ней дыры.

Я где-то читала, что одиночество может убить в тебе все самое лучшее: надежду, веру, любовь. Человек всегда нуждался в человеке, особенно в таком, кто близок ему по духу. Отсутствие возможности поделиться с кем-то своими мыслями, чувствами и увлечениями убивает. Стачивает душу, заостряя ее края и делая их острыми, как лезвия. Одинокие души кровоточат и воют, но никто не может увидеть их крови и услышать их вой. Никто, кроме точно таких же одиноких и несчастных душ...

На глаза внезапно навернулись слезы. Я не хотела плакать, но сдержать поток эмоций не могла. Слезы лились из моих глаз и никак не останавливались. Обида, злость, грусть, зависть, – все это разом скопилось внутри меня и вышло наружу.

Когда от обилия эмоций стало трудно дышать, я почувствовала, как в груди неприятно защекотало – верный признак того, что я вот-вот переселюсь.

Последнее, что я помню – это как разгневанные чем-то мама и бабушка вылетели от шамана.

– Ну надо же, что предложил! Как только наглости хватило?! Она же еще ребенок! – возмутилась мама, размахивая руками.

Бабушка успокаивающе положила ей руку на плечо.

– Да я скорее соглашусь на тут жуткий ритуал, чем на это! – взвизгнула мама и посмотрела на меня. – Алиса, ты в порядке?..

– Нет, – пробормотала я, хватаясь за грудь. Щекотка становилась почти невыносимой. Голова закружилась, а перед глазами возникли черные пятна.

Тяжело вздохнув, я в последний раз взглянула на родных и провалилась в забытие.

Глава 1

Меня разбудил телефонный звонок. Жесткая, громкая и агрессивная музыка ударила по моим ушам, и мое тело непроизвольно дернулось.

Ничего не сообщая спросонья, я пошарила рукой по постели и, найдя телефон, приняла вызов, даже не взглянув на экран.

– Ты что, спишь? Ты охренел?! Ты уже час как должен быть на работе! – закричала очень злая писклявая женщина. – Кирилл? Кирилл! Ты меня слышишь? Ты что, опять уснул?! Кирилл!!!

– Вы ошиблись, – басовито ответила я и отключилась.

Откинула телефон в сторону, поудобнее устроилась на подушке, закрыла глаза и тут же снова их открыла.

Почему у меня такой грубый голос???

Приподнявшись, я прокашлялась и произнесла несколько слов, которые пришли в голову:

– Креветка, пицца, эскимо...ох, черт!

У меня был мужской голос. Глубокий, низкий и звучный.

В прояснившийся ото сна разум стремительным потоком ворвались последние воспоминания – визит к шаману, вопрос, на который я не смогла ответить, мое отчаяние, а затем переселение.

– Ох, блин, – простонала я, закрыв лицо руками.

Перед глазами мелькнуло что-то разноцветное. Отняв руки от лица, я вытянула их вперед и охнула. От плеча до кончиков пальцев они были покрыты татуировками – ни одного живого места не было.

– Боже, я наркоман какой-то или панк? – испугано прошептала я, снова хватаясь за лицо, которое было немного колючим.

Господи, почему я переселилась в этого тупого орангутанга?!

Откинув одеяло и с облегчением заметив, что на мне есть хотя бы трусы, я спрыгнула с кровати и на сильных и по непривычки огромных ногах понеслась в ванну.

Войдя в маленькое помещение с ярко-оранжевым кафелем, я покосилась на зеркало и в нерешительности замерла у входа. Потоптавшись немного на одном месте, я стиснула татуированные кулаки и решительным шагом двинулась к зеркалу. Подошла, зажмурилась, повернулась, досчитала до трех и резко открыла глаза.

Передо мной стоял симпатичный парень лет двадцати пяти. Лохматая шевелюра шоколадного цвета, оливковая кожа, слегка прищуренные серо-голубые глаза, темные брови вразлет. На переносице и в уголках губ еле заметные морщинки – наверно, он много смеется...

Он.

Кто он?

Я нахмурилась, глядя на лицо парня, у которого я наглым

образом отобрала тело.

Звонившая недавно женщина называла меня Кириллом. Значит, его зовут Кирилл. Вернее, звали. После меня еще ни одна душа не выживала...

Крутясь перед зеркалом и с тайным восхищением рассматривая рельефные мышцы своего нового тела, я параллельно думала о том, что, оказывается, быть мужчиной не так уж и плохо. Почти ничем не отличается от того, как быть женщиной.

Покрутившись еще немного перед зеркалом, я вдруг вспомнила, что нужно позвонить маме с бабушкой – они наверняка сходят с ума. Интересно, сколько прошло времени с тех пор, как я переселилась?

Повернувшись к двери и сделав пару шагов, я внезапно поняла, что хочу в туалет по-маленькому. Развернувшись, я замерла напротив унитаза и опустила голову вниз.

И что дальше? Неужели, мне придется достать *его*?..

– Фу, гадость, – сморщившись, прошептала я.

Позыв с каждой секундой все усиливался. Развернувшись и снова досчитав до трех, я подняла глаза вверх, быстро стянула трусы и уселась на унитаз.

За свою жизнь я просмотрела много фильмов, где женщина оказывается в мужском теле. В них героини, будучи уже в теле мужчины, почти всегда в первый раз садились справлять маленькую нужду.

Особого выбора у меня не было, поэтому я сделала точ-

но, как в фильмах. Вышло не особо удобно и приятно, но все же сносно. Смыв за собой и сполоснув руки, я вышла из ванной комнаты и направилась обратно в спальню, которая одновременно служила и гостиной – квартира оказалась однокомнатной.

В глаза тут же бросились развешенные по стенам гирлянды и стоящая на тумбочке маленькая елочка, украшенная старыми игрушками. Подойдя ближе, я увидела, что елочка живая и растет в горшке, а игрушки на ней не старые, а старинные – кажется, такие делали еще в Советском Союзе времен моей прабабушки. Потертая лампа Аладдина, серебряные шишки, зеленые елочки на прищепках, шары с ромашками...

Рядом с елочкой стояла небольшая лейка с водой. Взглянув на сухую землю в горшке, моя рука сама по себе схватила лейку и аккуратно полила деревце.

Еще немного полюбовавшись на игрушки и зябко поежившись, я решила что-нибудь надеть на себя.

Хозяин моего нового тела был не особо аккуратным – одежда валялась по всей комнате. Побродив по ней, я наша относительно чистые домашние штаны с футболкой и, одевшись, взяла телефон и по памяти набрала мамин номер.

– Дочка? Это ты? – голос мамы был полон надежды. В моменты, когда я вот так пропадала, она не выпускала телефон из рук ни на минуту и ждала звонка с незнакомого номера.

– Мам, это я, – жалостливо пробасила я.

На мгновение мама замолчала. Наверно, лишилась дара речи, услышав мой голос.

– Ты в мужском теле? – бесцветным голосом спросила мама.

Рядом картинно охнула бабушка.

– Угу, – выдавила я, теребя край футболки с какой-то древней рок-группой.

– Так, без паники! – сказала мама скорее самой себе, чем мне – это ее голос дрожал, а не мой. – Все когда-то бывает в первый раз. Помни, что это ненадолго.

Я снова угукнула.

– Где ты, знаешь?

– Нет, – ответила я, глядя в окно. – Как только узнаю, скину адрес в смс. Вы еще домой не уехали?

– Не успели, – ответила мама. – Прошло всего несколько часов. Милая, поторопись, пожалуйста. Я жду адрес. Пока.

Попрощавшись в ответ, я отложила телефон и подошла поближе к окну. Квартира находилась на втором этаже, а окна выходили во двор. Никаких опознавательных знаков и табличек с названием улицы не было.

Умудренная жизненным опытом, я обула валяющиеся под кроватью тапки и, тихонечко приоткрыв дверь, взглянула на ее номер. Оставив дверь открытой, я направилась к почтовым ящикам и, найдя нужный, сунула мизинец в одну из трех дырочек. Нашупав что-то плотное и бумажное, я попыталась засунуть руку в верхнюю щелочку, но то, что все-

гда прокатывало с тонкими женскими руками, не вышло с здоровенными мужскими ручищами. Снова сунув мизинец в дырочку, я поддела бумагу и, подняв ее вверх, с горем пополам смогла достать из ящика.

Пыхтела я недаром – повезло с первого раза достать письмо со штрафом. Вернувшись в квартиру, я закрыла дверь, сфотографировала адрес на конверте и отправила маме.

Самое сложное позади. Теперь оставалось только ждать, когда мама с бабушкой заберут меня домой.

Глава 2

В ожидании родных я начала собирать вещи. Каждый раз при переселении я нагло тырила у людей, чьи тела занимала, одежду, косметику и прочие предметы быта. Они ведь им все равно больше не понадобятся. Тем более, все их автоматически становилось моим.

Первым делом я положила в боковой карман паспорт, бумажник и другие документы, которые были у Кирилла в тумбочке. Найдя в шкафу спортивную сумку, я сложила в нее пару джинсов, несколько футболок и толстовок и один свитер. Помедлив, кинула в сумку стопку нижнего белья и пять пар носков. Благо, все это было чистым и пахло лавандой. От самого тела тоже исходил едва ощутимый запах лаванды и цитруса.

Собрав одежду, я окинула взглядом комнату. Что бы еще прихватить?

Внимательно оглядываясь вокруг, я заметила много того, чего не видела раньше. На письменном столе в творческом хаосе были раскиданы наброски рисунков. Рядом, на ноутбуке, лежал графический планшет. Я подошла к столу и взяла в руки пару плотных листов формата А3. На одном была изображена длинноволосая эльфийка с суровым взглядом, а на втором – огромный волк с клыкастой пастью.

– Красиво, – заметила я, разглядывая наброски. – Жаль,

недоделанные.

Положив листы на место, я развернулась и снова начала оглядывать комнату. На сей раз взгляд зацепился на плакатах рок-групп 60-х и 70-х годов.

– Точно панк, – хмыкнула я.

Однако следом моему взору предстали висевшие над разложенным диваном портреты Эйнштейна и Хокинга, под которыми висели еще два – Бродский и Мандельштам.

Увидев последнего, я не смогла сдержать улыбки.

– Я тоже люблю Осипа Эмильевича, – прошептала я.

Недалекий человек не повесил бы портреты этих людей у себя дома. Возможно, я ошиблась насчет Кирилла, и он вовсе не тупой орангутанг?..

В задумчивости почесав затылок с непривычно короткими волосами, я направилась в ванну. С тяжким вздохом забрала с полочки станок, гель для бритья и лосьон. Понюхала шампунь, сморщилась и решила, что подойдет и мой, женский. Зато гель для душа мне понравился – пах апельсином и лавандой, как и само тело.

Набив сумку доверху, я плюхнулась на разобранный диван и уставилась в потолок.

– Скууучно, – протянула я низким голосом, к которому уже начинала привыкать.

Повернувшись на бок, я увидела на тумбочке стопку из шести книг, в каждой из которых торчали закладки.

– По несколько книг за раз что ли читает? – удивилась я.

Вверху лежали «Хроники Шаннары», прочитанные почти до конца. Наверно, самая интересная. За ней маленькая книжица под названием «Круглосуточный книжный мистера Пенумбры» с закладкой на середине. Прочитав название третьей книги, я присвистнула – этот татуированный орангутанг читал книги по неврологии...

А еще по астрономии и восточной мифологии...

Последней лежала «Улисс» Джойса. Закладка была почти в самом начале.

Хлопнув в ладоши и злорадно засмеявшись – басовитость придавала моему смеху еще больше жути, – я самодовольно объявила:

– А я ее дочитала! Так-то!

Задумавшись о том, какие книги еще имеются у орангутанга, я окинула комнату взглядом, но ничего не нашла. Если он такой начитанный, то где же хранит книги?

Обойдя комнату еще раз, я увидела за широким креслом пару потрёпанных корешков. Заглянув за эту мягкую бандурину, я не смогла сдержать радостного крика:

– Ура! Клад!

За креслом действительно был клад. Стопки книг аккуратно стояли на полу, полуприкрытые белым покрывалом. Сняв его, я начала изучать корешки. Многое из классической литературы у меня имелось, а вот из современной прозы у меня не было практически ничего, что было у Кирилла. Мама всегда старалась контролировать то, что я читаю.

Книг, на обложках которых стояло 18+, мне не покупали.

С завистью взглянув на внушительную коллекцию Пелевина, я схватила один роман и быстро засунула его в сумку, прикрыв одеждой. Может, еще что-нибудь стырить? Например, сборник стихов Асадова? У меня такого нет...

Однако вернуться к книгам мне не дал звонок в домофон.

Подпрыгнув от неожиданности, я кинула грустный взгляд на книги и поспешила открывать своим родным.

Увидев меня, мама и бабушка ненадолго впали в ступор. Я расплылась в неуверенной улыбке и помахала им здоровенной ручищей.

– Ты переселилась в тот тип мужчин, от которых я берегла твою маму и тебя, – наконец сказала бабушка. В ее голосе сквозила тонкая ирония.

Мама же подлетела ко мне, схватила за руки и начала осматривать татуировки.

– Зек что ли какой-то? – пробубнила она. – Вроде вены нормальные...

– Ты что, думала, что он – наркоман? – возмутилась я.

– А ты в зеркало смотрелась? – нахмурилась мама. – По нему же все видно.

– Ничего не видно! – обиделась я. – Он, вообще-то, умный и начитанный.

Бабушка скептически посмотрела на меня, а мама недоверчиво хмыкнула.

– Не наркоман он, а нормальный парень, – буркнула я,

удивляясь своему порыву. Сама же недавно считала Кирилла наркоманом и тупым орангутангом. . .

– Вообще-то, наркоманы не только колются, – тихо заметила бабушка.

Мы с мамой одновременно злобно зыркнул не нее, и бабушка покорно подняла руки, мол, больше ничего не скажу.

Вздыхнув, мама спросила меня:

– Ты готова?

Я кивнула.

– Тогда уходим отсюда.

Снова кивнув, я сбегала за сумкой, надела темно-синюю куртку, которая одиноко висела в прихожей, натянула кроссовки и, взяв с тумбочки ключи, покинула квартиру Кирилла.

Глава 3

Воткнув наушники, я включила звук на максимум и, расслабившись под композиции Томаса Бергерсена, смотрела в окно на заснеженные улицы и мерцающие гирлянды.

Новый год я любила с детства. Правда, больше самого праздника мне нравились приготовления к нему. Еще в середине декабря мы с мамой и бабушкой шли в магазин и покупали новые игрушки – самые красивые. У меня всегда было все самое лучшее, особенно на Новый год и день рождения.

Вот и сейчас меня дома ждали новые красивые гирлянды, елочные игрушки и мишура. Через пару дней можно будет наряжать елку под веселую музыку 80-х. Мама будет подпевать любимым итальянским певцам, а бабушка указывать, как лучше развесить электрические гирлянды. А еще нам больше не понадобится стремянка – мое новое тело высокое, примерно сантиметров 185.

Однако теперь меня поему-то не радовали новые украшения. Перед глазами стояли старые игрушки, которыми Кирилл украсил свою елочку в горшке. Несмотря на то, что они были потертые и далеко не новые, в них чувствовался новогодний дух, теплота праздника. От моих же ничем подобным не веяло. Надо было забрать с собой и его игрушки. Все равно он их уже не увидит...

Я поднесла к глазам свои большие руки и с интересом

начала рассматривать татуировки на внешней стороне ладони. На правой руке были набиты четыре лунные фазы – каждая на отдельном пальце. Ниже, под костяшками красовался череп с надписью «Memento Mori», что с латыни переводится как «помни о смерти». Эту фразу специальные рабы шептали римским полководцам, которые возвращались в триумфе победы, чтобы те помнили, что, не смотря на славу, они все же остаются смертными.

Задумавшись над смыслом этой татуировки, я невольно взглянула на свое тело, которое безжизненно сидело рядом со мной, пристегнутое к сидению. Интересно, я до конца так буду прыгать или это когда-нибудь прекратится?

На второй руке была тоже интересная татуировка. На среднем пальце начиналась голова оленя, чьи рога переходили на костяшки. В свою очередь эти рога плавно вписывались в овал с сеткой. Я не сразу поняла, что это своеобразный ловец снов, а когда додумалась до этого, то тихо хохотнула. Защита от ночных кошмаров всегда рядом. Удобно.

Дальше рассматривать татуировки я не стала – для этого надо было снять куртку и тем самым привлечь внимание бабушки и мамы. Лучше займусь этим позже, а пока стоит немного вздремнуть. Этому телу в последнее время явно не хватало отдыха – глаза так и закрывались от недосыпа.

Обычно мне не снятся сны. Крайне редко – примерно раз в год – мне может присниться какой-то эпизод из моего прошлого, но не более. Возможно, это своего рода побочный эф-

фект от моей болезни, а может, просто особенность моего организма. Так или иначе, мне не снятся сны, однако сейчас, провалившись в забытие, я увидела настоящий сон, в котором был Кирилл.

Я видела, как он стоял в коридоре своей квартиры и недовольно смотрел на молоденькую девушку с розовым рюкзаком и кучей разноцветных заколок в волосах. Девушка протягивала ему маленькую елочку в горшке. По сравнению с той, что я видела, эта была просто малюткой.

Кирилл неуверенно взял деревце и поинтересовался:

– И что мне с этим делать?

– Не «это», а Мисс Хвоя, – упрекнула его девушка.

– Чего?

– Ее так зовут, ну. Она же хвоя, значит – Мисс Хвоя. Постарайся ее не убить, братик.

Братик, наморщив нос, скептически оглядел Мисс Хвою, а потом хмуро уставился на девушку.

– Ее поливать надо? – спросил он.

– Конечно, она же живя. Посмотри в Интернете, как за ней ухаживать.

– Делать мне больше нечего, – фыркнул Кирилл.

– Нечего. Ты целыми днями на работе. У тебя мало друзей, нет девушки, а с нами ты не живешь. Тебе надо за кем-то ухаживать, иначе сойдешь с ума от одиночества.

– Я не одинок! – громче, чем следовало, воскликнул Кирилл.

Фальшь в его словах услышал бы даже дурак.

– Как родители? – Кирилл попытался направить разговор в другое русло.

Сестра пожала плечами.

– Нормально. Передают тебе привет.

Кирилл печально усмехнулся.

– Уж точно не мама...

Девушка открыла было рот, но так и не нашла, что сказать.

– Я буду о ней заботиться, – вдруг сказал Кирилл.

– Обещаешь? – Лицо девушки засияло.

– Да. А когда она подрастет, буду украшать ее к Новому году.

Внезапно голоса Кирилла и его сестры начали постепенно затухать, а картинка помутнела и исчезла, но на смену ей тут же пришла другая.

Лето. Светит яркое солнце. Дети играют на площадке во дворе. Неподалеку на лавочке сидит одинокая фигурка и крутит в руках футбольный мяч. Я не сразу разглядела в хуленьком подростке со спутанными волосами и длинной челкой черты Кирилла.

Как давно это было? Лет десять назад?

Кирилл то и дело недовольно поглядывал на детскую площадку. Взгляд его суровых и внимательных серо-голубых глаз следил за мальчиком лет пяти.

Через некоторое время к Кириллу подошли двое мальчишек: низенький рыжий и высокий блондин.

– Че ты тут тухнешь, пошли играть. Там наши десятиклассники команду набирают, будут против 143 школы играть.

Кирилл хмуро зыркнул на ребят и пробубнил:

– Не могу, я за братом слежу.

Ребята синхронно повернули головы к детской площадке.

– Да ничего с ним не будет, – махнул рукой рыжий. – Пошли, ты же офигенный вратарь. Нам Косой из 10 Б велел без тебя не приходиться.

Похвала вызвала на лице Кирилла широкую улыбку, от чего на его щеках образовались ямочки.

– Позовите лучше Леху, я не могу отлучиться, – стоял на своем Кирилл.

– Леха придет через полчаса. У него какие-то срочные дела, – пояснил блондин. – Тебе всего-то и надо заменить его ненадолго, а потом снова придешь за братом следить.

Кирилл в задумчивости посмотрел на съехавшего с горки брата, а потом сказал ребятам:

– Хорошо, сейчас приду.

Мальчишки радостно загалдели и понеслись назад. Кирилл встал с лавочки и направился к брату.

– Я ненадолго отойду, а ты играй здесь и никуда не убегай, понял? – деловито сказал ему Кирилл. – Если вдруг что-то будет нужно, я вон там, за теми деревьями, – он показал пальцем в ту сторону, где было расположено футбольное поле.

Брат радостно кивнул и побежал к качелям, а Кирилл за-спешил к друзьям.

Играл он недолго, а когда пришел второй вратарь, то Кирилл тут же с ним поменялся и заспешил назад, к детской площадке.

Несмотря на то, что до темноты было еще много времени, все дети и их родители куда-то делись. Площадка была пуста.

– Ромка! – позвал Кирилл. – Ромка, вылезай!

Брат не отвечал. Предчувствуя нехорошее, Кирилл откинул мяч в сторону и начал искать брата, периодически выкрикивая его имя.

Он искал до темноты, пока его самого не нашла взволнованная мама.

– Где вас носит? Ты на часы смотрел? – закричала она. – А где Рома?

Мама заозиралась по сторонам, а Кирилл, ломая пальцы, пытался придумать, как сказать ей, что произошло. Однако этого не потребовалось – она и сама все поняла. Запаниковала, закричала, схватилась за голову. Сказала что-то про полицию, дрожащими руками достала телефон и позвонила мужу. Кирилл снова прирос к земле и потерял дар речи.

Вскоре пришел отец, выслушал сбивчивый рассказ мамы, затем взглянул на Кирилла и спросил у него, что произошло. Кирилл все подробно рассказал. Тихо, спокойно и четко. Все это время мама холодно и молча сверлила в старшем сыне дыры.

После долгих и тщетных ночных поисков родители вернулись домой совершенно разбитые и полные отчаяния. Кирилл вместе с младшей сестрой встретил их в прихожей и, увидев, что родители пришли одни, тяжело вздохнул. Услышав его, мама вдруг кинула на него полный злобы взгляд и, в два широких шага очутившись рядом с сыном, схватила его за горло.

– Это все из-за тебя! Из-за тебя потерялся Ромка! Ты в этом виноват! Я велела тебе следить за братом! Какого хрена ты поперся играть в футбол?? Какого хрена??

Мама сдавливала горло Кирилла так сильно, что его лицо начало краснеть, а сам он стал задыхаться.

– Марина, успокойся! – отец кинулся к ней и попытался разжать ее руки.

Глаза матери горели диким, необузданным огнем.

Когда ее пальцы разомкнулись, Кирилл упал на колени и громко закашлялся.

– Это все ты! Это ты! – кричала мать, пытаясь вырваться из отцовской хватки.

– Нет... – прохрипел Кирилл. – Это не... Это не я!

Я открыла глаза и увидела перед собой взволнованные лица мамы и бабушки. Сердце неистово билось, в горле пересохло и запершило.

Вытащив наушники, я глубоко вдохнула и медленно выдохнула.

– Что случилось? – спросила мама, не сводя с меня глаз. –

Тебе плохо?

Я помотала головой.

– Ты так громко кричала, – тихо сказала бабушка. – Мы испугались и остановились. Ты не приходила в сознание несколько минут. Все кричала и кричала.

Сглотнув вставший в горле ком, я спросила:

– Что именно я кричала?

– «Нет, это не я», – в один голос ответили мама с бабушкой.

Глава 4

Я не стала рассказывать о своих снах. Соврала, что мне приснился кошмар. Родные поверили – у меня сегодня был тяжелый день. Мама даже решила сразу завести меня домой, а не тащить еще и в больницу, где мое тело уже ждала вип-палата и посвященные в тайну моей болезни врачи.

Домой я в буквальном смысле завалилась. Абсолютно разбитая, мечтающая лишь о длительном сне в своей постели. Добредя до своей комнаты, я упала на кровать прямо в одежде и закрыла глаза.

Засыпая, я надеялась, что от такой усталости мне не приснятся сны, однако я страшно ошибалась...

Стоило мне уснуть, как сны не заставили себя долго ждать. Красочные, до жути реалистичные, и все с участием Кирилла. В них не было никакой последовательности. То я видела взрослого Кирилла с какими-то больными детьми, то Кирилла-подростка, играющего с сестрой в футбол, то снова взрослого, читающего в парке какую-то книгу. Один раз даже Кирилл показался мне еще без татуировок. На вид ему было лет двадцать, и он сидел в лектории университета и со скучающим видом смотрел в окно на падающий крупными хлопьями снег.

И снова дети, больница, какие-то реабилитационные центры. Кажется, Кирилл был социальным работником. Загла-

живал таким образом вину перед братом?..

Жизнь Кирилла снилась мне до самого утра, однако ничего пугающего и душераздирающего я больше не видела. Проснулась спокойно, не выкрикивая в отчаянии не свои слова. Открыла отдохнувшие глаза, потянулась и улыбнулась.

Из кухни доносился звон посуды и голоса мамы с бабушкой. В предвкушении аппетитного завтрака я поднялась и, достав из сумки чистую одежду, поплелась в ванну. Скинула футболку, джинсы, а потом в нерешительности замерла, глянув вниз, на темно-синие боксеры.

– Ну неест, – неуверенно протянула я.

Смотреть на то, что прячется в трусах, мне совершенно не хотелось. Ни сейчас, ни потом.

Господи, скорее бы уже избавиться от этого тела и вернуться в свое...

Поразмыслив некоторое время, я, не снимая трусов, встала под душ. Натирая крепкие мышцы розовой мочалкой, я не могла выкинуть из головы тот факт, что трусы все же поменять придется.

Помывшись и вытершись полотенцем, я закрыла глаза и кое-как поменяла нижнее белье. Довольная проделанной работой, я натянула на себя штаны с футболкой и, подойдя к полочке с тканевыми масками, выбрала тигриную и наложила ее на лицо.

Из кухни в ванну просочился аппетитный запах жареной

яичницы с беконом. Облизываясь, я поспешила в царство готовки.

Увидев меня, бабушка выронила лопатку, а мама зашлась в таком безудержном смехе, что, кажется, ее слышали даже соседи. Не понимая, чем вызван смех, я хмуро уставилась на своих близких.

– Дочь, ты на себя в зеркало смотрела? – давясь смехом, спросила мама.

Я молча отступила на пару шагов назад и повернулась к коридорному зеркалу. На меня смотрел брутального вида парень с мускулистыми татуированными руками, полотенцем на волосах и маской тигра на лице.

Зрелище было настолько комичным, что я сама согнулась пополам от смеха, из-за чего моя тканевая маска сползла с лица и с чвакающим звуком шлепнулась на пол.

Отсмеявшись, мама сказала:

– Иди завтракать, тигренок. Еда стынет.

После завтрака бабушка неожиданно предложила наряжать елку. Мы с мамой удивленно уставились на нее.

– Мы же наряжаем всегда двадцать седьмого числа, а сегодня только шестнадцатое, – напомнила я.

– Вот именно, – кивнула мама. – Зачем так рано? Только дольше мешаться будет.

Она не любила Новый год, потому что этот праздник считался семейным, а нашу когда-то большую семью мы растеряли. Исключительно благодаря непростому характеру моей

мамы.

– Ну, раз не хотите, то и не надо, – пожала плечами бабушка и принялась мыть посуду.

– Спасибо, было очень вкусно, – поблагодарила я, вставая из-за стола.

Проходя мимо коробки с новыми елочными игрушками, я вдруг вспомнила Мисс Хвою. Интересно, когда Кирилл ее нарядил? И почему так рано?

В комнате я принялась за небольшую уборку. Заправила постель, вытащила вещи из сумки и разложила их в шкаф. Собрала разбросанные на столе журналы, расставила по местам книги со стихами.

Усевшись в уютное лиловое кресло, я тяжело вздохнула от осознания, что мне абсолютно нечем заняться. Конечно, можно было бы почитать или посмотреть фильм, а еще зайти в соцсеть, но всего этого делать не хотелось.

Пялясь в белый высокий потолок и анализируя последние сны, я вдруг осознала, что поговорить мне все же хочется, но только с одним единственным человеком – с Кириллом. Интересно, какой он в общении? Наверно, разговаривать с ним было бы приятно, раз он любит читать и интересуется астрономией. Может, у нас бы нашлись еще общие интересы, помимо любви к поэзии. Я бы попросила его нарисовать мой портрет. Меня никогда не рисовали, а фотографировали крайне редко. Сама же я никогда не делала селфи, потому что считала себя дурнушкой. Маленький рост, худое тело,

груди почти нет, на лице веснушки, волосы тонкие и светлые, кожа бледная – ничего, за что можно зацепиться.

И тут на фоне всех этих мыслей промелькнула одна, яркая и внезапная: интересно, я бы его заинтересовала?..

Господи! О чем я только думаю! Что за бред?!

Я вскочила с кресла и замотала головой, пытаюсь отогнать странные, несвойственные мне мысли.

Надо проветриться. Пройтись по холодному воздуху и привести сознание в порядок.

Быстро собравшись, я мельком выглянула в окно и отметила про себя, что на улице идет снегопад.

– Мам, ба, я погуляю немного возле дома, – крикнула я, обуваясь.

– Хорошо, – ответила мне мама. – Только далеко не ходи, будь рядом.

– Ладно, – бросила я и, схватив свой прозрачный зонтик, выбежала из квартиры.

На улице стояла по-настоящему волшебная погода. Огромные хлопья снега медленно падали с небес на землю. Всего лишь за ночь сугробы выросли почти в три раза, и недовольные дворники лениво счищали засыпанные снегом дорожки.

Купив в магазине пачку своих любимых мармеладных мишек, я медленно прогуливалась по парку рядом с моим домом и любовалась падающим снегом. Жуя мармелад, я прошла мимо небольшого фонтана, который с наступлением

тмы превращался в одну сплошную гирлянду и сиял разноцветными огоньками. Жаль, что мне еще никогда не доводилось гулять после захода солнца. Всю красоту зимних ночных улиц я видела только из окон квартиры или машины.

Может, когда я буду постарше, мама разрешит мне гулять поздними вечерами...

Погуляв еще немного, я нашла очищенную от снега лавочку и с радостью села на нее. Снег все не переставал, поэтому я сжалась под своим раскрытым зонтиком и медленно жевала мармеладных мишек, наблюдая за окружающим меня миром.

Постепенно я начала ловить на себе странные взгляды прохожих. Искренне не понимая, почему на меня косо смотрят, а иногда даже и посмеиваются, я аккуратно достала из рюкзака зеркальце и внимательно осмотрела заросшее щетиной лицо.

Вроде чистая. И что они...

Стоп. Щетина.

Я же в теле мужчины!

Отставив зеркальце в сторону, я представила то, что видят прохожие: здоровенный парень брутального вида скромно сидит на лавочке под прозрачным зонтиком и, разглядывая всех прохожих, жует мармеладных мишек.

Мда, зрелище действительно комичное.

Убрав мармелад в рюкзак и закрыв зонт, я попыталась сесть по-мужски. Закинула правую ножищу на левую и пре-

зренно усталилась на наблюдающих за мной младшеклассниц.

По непривычки ноги сразу же затекли – меня с детства учили сидеть только прямо, сдвинув колени вместе.

Как еще сидят мужчины? Раскорячившись? Ну нет, я так не смогу. Слишком развязно. Может, просто вытянуть ноги? Нет, слишком длинные, прохожие могут споткнуться.

Жаль, нельзя узнать, как сидел Кирилл...

Вздыхнув, я встала с лавочки и медленно направилась к дому. Навстречу мне шла улыбающаяся пожилая парочка, мило держащаяся за руки. Глядя на них, я не смогла сдержать улыбки.

За пожилой парочкой шла еще одна, но уже значительно моложе. Мужчина был красавчиком, а вот девушка прямо дурнушка. Даже я посимпатичнее буду.

Еще одну парочку я встретила уже на выходе из парка. Они сидели на лавочке и samozабвенно целовались. Вернее, даже не целовались, а ели друг друга.

Сморщившись, я ускорила шаг. Одно дело мило идущие за ручку старички, но развязная молодежь – это как-то фу. Если бы у меня был парень, я бы ни за что не разрешила бы ему лапать себя на людях, а тем более так целоваться!

Остановившись на светофоре, я начала думать о том, были ли у Кирилла отношения. Во сне его сестра заметила, что у него нет девушки, но это было давно, судя по размерам Мисс Хвои. Возможно, за это время он кого-то себе нашел.

Он довольно симпатичный парень – наверняка с девушками проблем не было.

Даже не представляю, какого будет его девушке, когда она поймет, что он пропал. А сестра? Похоже, они в хороших отношениях. Ее номер постоянно мелькал во входящих на телефоне Кирилла.

Нет, лучше не думать об этом! Все, что я могу – это ждать, пока неведомая сила не выкинет меня из этого тела и не вернет в свое.

По пути я снова зашла в магазин и купила еще мармелада и пачку чипсов. На душе скребли кошки.

Дома меня встретила только бабушка. Мама уехала в офис по каким-то срочным делам. Переодевшись, я включила компьютер и запустила РПГ игру. Это помогло отвлечься от грустных мыслей, однако, как только я закончила играть и выключила компьютер, они снова вернулись, будто никуда и не исчезали. Ни что не помогало мне не думать о Кирилле, потому что я носила его тело, видела перед собой его руки, смотрела в зеркало на его лицо, говорила его приятным звучным голосом, видела во сне его жизнь. Казалось, еще немного, и даже моя душа станет им, впитав в себя его воспоминания. Будто Кирилл пытался вытеснить меня из своего тела, постепенно стирая мою личность и вставляя в дыры моего сознания кусочки своего я.

Решив, что клин клином вышибают, я взяла чипсы, бутылку лимонада, коробку сухих салфеток и, закрывшись у

себя в комнате, включила самое грустное и слезливое аниме из всех, что я когда-либо смотрела.

Сорок минут – и я уже не могла остановить поток слез. Сколько бы не смотрела «В лес, где мерцают светлячки», всегда плакала в конце. Я не фанат сопливых драм, но эта чистая и заведомо трагичная история любви покорила мое сердце.

Вдоволь наредевшись, я тщательно умылась в ванне, осмотрела в зеркале свои покрасневшие глаза и решила применить прохладную гидрогелиевую маску не сколько для косметического эффекта, сколько для эстетического. Однако мой взгляд скользнул по щетине, и я недовольно сморщилась. Мне не нравилось, что мое лицо шершавое и колющее, как наждачная бумага, поэтому, вооружившись станком и пеной, я начала бриться.

В фильмах часто показывают, что с непривычки люди постоянно ранятся, однако ничего подобного у меня не произошло. За счет многочисленных изгибов, бритье лицо оказалось сложнее, чем ноги, поэтому провозилась я довольно долго, зато под конец мое лицо засияло, как отполированный самовар.

После того, как я проплакалась и побрилась, мое настроение заметно повысилось. Я уже ни капли не грустила, напевала песни и совершенно не думала о Кирилле. Ну, разве что иногда.

Спать я легла с полной уверенностью в том, что эпизоды

из жизни Кирилла мне больше не приснятся. Отчасти я оказалась права – мне действительно не приснилось ни одной минуты из его жизни. Зато я увидела свой собственный сон, навеянный моими мыслями и фантазиями. И в этом чертовски реалистичном сне был Кирилл. Почему-то мне нельзя было прикасаться к нему, а мне страшно этого хотелось. Когда я не смогла больше терпеть и накинулась на него с объятиями, Кирилл засветился изнутри голубым светом, а потом начал медленно исчезать, развеваясь по ветру голубым пеплом.

– Ты отняла у меня мою жизнь, – прошептал он и исчез.

В отчаянии я закричала, зовя его по имени. Истошно вопила, пока не заболело горло, а потом почувствовала, что кто-то меня трясет. Открыв глаза, я увидела маму и бабушку.

– Что случилось? – прохрипела я и сморщилась. Горло саднило.

– Ты кричала. Так громко и так долго, что у меня чуть инфаркт не случился от испуга, – пояснила бабушка.

Мама же сидела рядом на краю кровати и хмуро на меня смотрела.

– Ты звала *его*, – в ее тихом голосе слышались нотки ненависти. – Снова и снова выкрикивала *его* имя. Почему? Что происходит, Алиса?

Так вот оно что. Значит, я звала Кирилла и во сне, и в реальности...

Опустив глаза на одеяло, я тихо начала рассказывать о

своих снах. Умолчала только о сегодняшнем, выдав его за очередной эпизод из жизни Кирилла.

Выслушав меня, мама заметила очевидный факт:

– Такого раньше не было...

– Может, показать ее кому-то? – предположила бабушка.

Мама пожала плечами.

– Возможно, это какой-то побочный эффект? Алиса всего лишь второй день в этом теле, да еще и в таком... – она замолчала, оглядывая мои руки и лицо, подбирая нужный эпитет, – ...необычном. Наверно, следует немного подождать. Вдруг все прекратится само собой?

Бабушка согласно кивнула.

Мне зачем-то дали снотворного – наверно, чтобы я не смогла увидеть сны – и уложили спать. Однако сны не прекратились. Ни сегодня, ни потом.

Глава 5

С каждым днем моя жизнь отходила на второй план, пропуская вперед жизнь Кирилла. Я думала о нем каждую минуту своего бесцельного существования. Ночью я смотрела сны о его жизни, а днем анализировала их.

Самым пугающим в этой ситуации было то, что все это мне нравилось. Сны были для меня как сериал, основанный на реальных событиях. Настолько интересный, что я думала о нем круглые сутки напролет. Видимо, моя жизнь была настолько скучной и обыденной, что я увлеклась жизнью Кирилла и, как ненормальная, ждала очередной ночи.

Еще я стала иначе вести себя с его телом. Если раньше я бездумно, по привычке, наносила на лицо маски, патчи и прочую женскую ерунду, то теперь я ничего подобного не делала. Почему? Сама не знаю. Может, дань уважения Кириллу? А может, я сама потихоньку становлюсь им...

Ночами я кричала значительно реже, что успокаивало моих родных, однако поворотным моментом стал тот факт, что я, не отдавая себе отчета, стала слишком много говорить о Кирилле.

Так, наряжая елку с бабушкой, я заметила:

– А у Кирилла игрушки лучше. Старинные, интересные такие.

За завтраком как-то поинтересовалась у мамы:

– Почему вы не завели второго ребенка? Может, это бы спасло вас с папой от развода? У Кирилла, например, есть сестра. Она забавная.

И так каждый раз.

– У Кирилла столько интересных книг дома, не то, что у меня...

– Когда Кирилл был маленьким, он играл в футбол. Я вот тоже хотела, но вы мне не разрешили. Может, начать сейчас, пока я в мужском теле?

– Завтра хочу начать новый сериал. Его уже смотрел Кирилл, вот я и заинтересовалась.

– А у Кирилла...

– Достаточно! – воскликнула мама, отбросив в сторону вилку.

Бабушка замерла с поднесенным куском рыбы ко рту, а я подавилась водой и закашлялась.

– Ты без конца говоришь о нем, не затыкаясь! Это совершенно ненормально, Алиса! С этим надо что-то делать. – Мама сжала кулаки и устало прикрыла глаза.

– Например? – поинтересовалась бабушка.

Я затаила дыхание.

– Например, поехать к знахарке. Пусть осмотрит ее. Наверняка это можно как-то убрать.

Слово «это» она произнесла с каким-то омерзением, будто воспоминания Кирилла – это паразит, который пожирает меня изнутри.

Хотя, собственно, так оно и было. Вот только я не хотела избавляться от этого паразита...

– Может, само пройдет? – робко предположила я.

– Нет! – рявкнула мама. – Мне надоело это терпеть. Завтра же едем.

Слово мамы в нашей маленькой семье – закон. На следующий день мы втроем сели в машину и отправились к знахарке, которая, по иронии судьбы, жила в том же городе, что и Кирилл.

Так как дело было срочное, а предварительной записи у нас не было, знахарка пошла на уступки – деньги мамы творят чудеса – и сказала, что примет нас в нерабочее время, а именно в восемь часов вечера.

Мама не любила ездить ночью, поэтому сняла в гостинице номер на сутки, чтобы выспаться, а утром спокойно уехать домой.

В ожидании приема, я нервничала так, как не нервничала никогда в жизни. Знахарка, пожилая и полностью седая женщина с бельмом на правом глазу, принимала у себя дома, в обычной квартире, но с необычной обстановкой вокруг. Всюду висели сушеные травы, корни и даже рога. Впервые мы пришли к ней, когда мне было семь лет – сразу после моего первого переселения, вспоминать о котором я не любила. Женщина хорошо показала себя, чем сразу же завоевала доверие моих родных. С тех пор меня, примерно раз в три месяца, всегда привозят к ей.

Войдя в квартиру, мама тут же принялась объяснять знахарке нашу проблему. Женщина, внимательно глядя на меня, медленно кивала словам мамы, а когда та закончила, схватила меня костлявой рукой и повела вглубь квартиры. Мама и бабушка последовали за нами.

Знахарка толкнула меня на диван, осмотрела, потрогала лицо, заглянула в глаза, положила руку на мой лоб. Потом, бубня что-то себе под нос, достала свои кости, на которых были выжжены рунические символы, потрясла их и кинула на стол. Всмотрелась, скривилась.

– Ну что? – тихо спросила мама, прижимая к груди сумочку.

Знахарка резко повернулась к ней, и мама невольно вздрогнула.

– Прежний дух слишком силен. Он будет пытаться поглотить ее, пока снова не восстановит контроль над своим телом. Своими воспоминаниями он пытается свести ее с ума, уничтожить.

Бабушка картинно ахнула, а мама дрожащим от страха голосом спросила:

– Что можно сделать?

Знахарка хмыкнула:

– Попробовать уничтожить дух с помощью ритуала. Согласны?

Мама с бабушкой закивали.

– Мы на все согласны. Только избавьте ее от этой мерзо-

сти.

Мерзости...

Кирилл не мерзость! Он такой же человек, как и мы! Почему вы этого не видите? Он изо всех сил пытается сопротивляться, борется за свою жизнь, хочет вернуться. Это естественно. Так почему же вы считаете его мерзостью и паразитом?

Мне так хотелось облечь мои мысли в слова, но я не могла. Трусила. Да и какой от этого был бы толк? Мама наверняка смерит меня злобным взглядом и силой приведет на этот чертов ритуал. Чего бы я ни хотела, как бы ни пыталась бороться, за меня уже давно все решили.

– Завтра в два часа дня, – объявила знахарка. – Принесите снотворное. Она должна спать во время ритуала.

Вот и все. Завтра в два часа я засну, а проснусь уже без воспоминаний о Кирилле. Я не вспомню его внимательного и сосредоточенного взгляда, его редкую улыбку, манеру общения, мимику и жесты. Я не вспомню его жизнь, кем он работал, что делал, чем жил. Не буду знать, что, не смотря на свой хмурый и брутальный вид, в душе он очень ранимый и одинокий, как я. И пусть наше одиночество было немного разным, все это время оно служило для меня неким мостом, который связывал наши с ним жизни. За какие-то считанные дни Кирилл превратился для меня из незнакомца в близкого человека, связь с которым я терять не хотела.

Всю дорогу до отеля я думала о предстоящем ритуале.

Противоречия и нерешительность терзали меня, бурили в душе глубокую и темную дыру. Одна часть моего сознания вопила, что я должна что-то сделать, чтобы ритуал не совершился, а вторая, более спокойная, шептала, что мне следует смириться и спокойно плыть по течению жизни.

На ночь я сама выпила успокоительного – никто меня не заставлял. От волнения и раздумий сердце билось так, что его звук отдавался в ушах, от чего я никак не могла уснуть. Когда таблетки подействовали, и я успокоилась, сон унес меня на своих плавных волнах.

Разумеется, мне снова приснился Кирилл. Вот только это было не его воспоминание. Он стоял прямо передо мной, умоляюще глядя мне в глаза. Его лицо исказили отчаяние и испуг.

– Помоги мне, – прошептал он, хватаясь за мою руку. – Я не хочу умирать! Помоги! Помоги...

Я открыла глаза и резко села.

Это был настоящий Кирилл или просто плод моего воображения? Знахарка сказала, что его дух силен и пытается поглотить мое сознание. Значит, он еще жив? Прошла почти неделя с тех пор, как я переселилась в это тело. Наверно, еще не поздно...

Я решительно откинула в сторону одеяло, быстро переоделась и тихонько выглянула из комнаты.

В номере стояла темнота и тишина. Надеюсь, мама и бабушка крепко спали, потому что, если они меня засекут, то

либо под завязку напичкают успокоительными, либо свяжут по рукам и ногам до самого ритуала.

Вернувшись в комнату, я распихала по карманам документы, ключи и телефон Кирилла, а потом, взяв куртку, на цыпочках отправилась к выходу из номера.

Выскочив из отеля в холодную декабрьскую ночь, я вдруг остановилась. Наполненная решимостью вернуть тело Кириллу, я даже не подумала, как вообще можно это сделать. Разозлиться? Подраться? Огорчиться? Все это никогда не помогало, если я находилась в чужом теле. Душа выходила из него сама, когда ей было это нужно.

Сунув руки в карманы куртки, я медленно побрела по улице, разглядывая витрины круглосуточных магазинов и заведений общепита. В одном я была точно уверена – надо увести Кирилла как можно дальше от отеля.

Проходя мимо небольшого итальянского ресторанчика, я увидела в окне девушку, которая что-то аккуратно резала в своей тарелке.

Бинго!

Окрыленная надеждой, я влетела в ресторанчик и уселась за первый попавшийся на глаза свободный столик. Ко мне тут же подлетела симпатичная официантка и, откровенно строя мне глазки, предложила меню. Открыв его, я ткнула в куриные медальоны и, не обращая внимания на флирт официантки, отмахнулась от нее татуированной рукой.

Спустя пару минут мне принесли стакан воды и корзиноч-

ку с приборами. Когда официантка ушла, я вытянула голову и заглянула в корзиночку. Нож был на месте.

Медленно и осторожно я взяла его и незаметно спрятала в рукав. Встала и непринужденно направилась в туалет. Протягивая руку к двери, я вовремя скользнула взглядом по табличке и, мысленно обругав себя, отвернулась от женского туалета и направилась в мужской.

Закрывшись в кабинке, я достала нож и уставилась на левую руку.

Как порезать так, чтобы было чертовски больно, но не угрожало жизни?

Ответ: как-нибудь.

Времени смотреть видео на ютубе не было, поэтому, положив руку на стену, я размахнулась и, не задумываясь о том, прокатит ли этот способ, ударила ножом в центр ладони. Адская боль тут же затопила мое сознание, из глаз брызнули слезы, а из горла вырвался сдавленный крик. Если честно, то я думала, что сойду с ума от боли и вида хлещущей крови.

Сжав зубы, я резким движением вытащила нож, который прошел сквозь плоть, застряв в руке и не задев кости. Кровь полилась еще обильнее. Намотав бумаги, я прижала ее к ране, но кровь тут же ее пропитала. Тогда я вылетела из кабинки и, подбежав к раковине, открыла кран и подставила руку под ледяную воду.

Молясь, чтобы никто не зашел в туалет, я держала руку под краном в надежде, что кровь хоть немного остановится.

Все же этот способ не помог – я не переселилась. Надо придумать что-то еще.

Мои размышления прервала открывшаяся дверь. В туалет вошел мужчина среднего возраста в твидовом костюме с бабочкой. Не обращая на меня внимания, он скользнул в кабинку и закрылся. Облегченно вздохнув, я повернулась к раковине и вдруг почувствовала знакомую щекотку в груди.

Неужели получилось?..

Замерев в ожидании, я уставилась в зеркало. Рука все еще страшно болела, но я нашла в себе силы улыбнуться.

– Скоро ты снова будешь собой, – прошептала я, глядя в серо-голубые глаза Кирилла.

Щекотка усилилась, а меня внезапно охватила грусть. Я больше никогда его не увижу...

Зато он будет жить! Это сейчас самое важное.

Щекотание в груди стало почти невыносимым. Здоровой рукой я вытащила из кармана телефон, сделала скрин входящих звонков Кирилла, отправила его на свой номер, а потом удалила сообщение и убрала телефон в карман.

Перед глазами тут же заплясали темные пятна. Мои колени подкосились, и я упала на холодный кафельный пол. Из кабинки тут же выскочил мужчина и что-то закричал, однако разобрать его слов я уже не могла. Покидая тело Кирилла, я мысленно пожелала ему удачи.

Глава 6

Очнувшись, я увидела больничный потолок и услышала равномерный писк кардиографа. Поднесла к глазам плохо слушающиеся руки и, увидев длинные бледные пальцы с серебряными кольцами убедилась, что я в своем теле.

Значит, все получилось.

Губы тронула легкая, но счастливая улыбка.

За окном было темно. Наверно, прошло не так много времени. Я ушла из гостиницы в первом часу ночи и, если очнулась в своем теле сразу же после переселения, то сейчас было около трех. Плюс-минус.

Оглядев палату, я заметила кнопку вызова медсестры и тут же на нее нажала. Спустя несколько секунд в палату влетела молодая полная женщина с крашеными рыжими волосами. У нее был взволнованный вид, поэтому я добродушно ей улыбнулась и поздоровалась. Мгновенно успокоившись, медсестра улыбнулась мне в ответ.

– Не могли бы вы позвонить моей маме и сказать, что я очнулась, – попросила я хриплым голосом. – А еще принести мне стакан воды.

Медсестра кивнула и вышла из палаты. Вскоре ко мне пришел дежурный врач, осмотрел меня, спросил о самочувствии и ушел. Как только он вышел из палаты, тут же вошла медсестра с водой.

– Что-то еще? – вежливо поинтересовалась она, забирая у меня вмиг опустевший стакан.

– А мои вещи? – поинтересовалась я.

– В тумбочке. – ответила медсестра. – Ваши родные просили вам передать, что скоро приедут.

Улыбнувшись, она вышла из палаты, оставив меня наедине с самой собой.

Выдвинув ящик тумбочки, я нашарила в нем свой телефон. Включив его, я открыла входящие сообщения и сохранила в галерею скрин с номером сестры Кирилла. Мой коварный план состоял в том, чтобы завтра днем (вернее, уже сегодня) позвонить ей и узнать о Кирилле.

Ужасно хотелось позвонить прямо сейчас, но в этом не было смысла. Надо набраться терпения и дождаться дня.

Спать совершенно не хотелось. Мысли о Кирилле заполнили всю голову. Стоило догадаться, что, покинув его тело, мысли о нем все равно останутся в моем сознании...

В ожидании родителей, я зашла на свою страничку в соцсети и начала разгребать сообщения.

Мама и бабушка приехали уже утром. Удивленные, они подлетели ко мне и начали расспрашивать, что случилось. Пожав плечами, я спокойно рассказала, что ночью не могла уснуть, и поэтому вышла на свежий воздух. Поскользнулась, упала и больно ударилась. Потом потеряла сознание и очнулась уже в своем теле.

– Получается, из-за боли ты переселилась обратно, – сде-

лала вывод мама.

Я неуверенно кивнула. Мы еще немного обсудили случившееся, а потом я переоделась в привезенную для меня одежду – мою одежду, – и мы поехали домой.

После завтрака на скорую руку меня все же сморила дремота, и я, дойдя до кровати, быстро вырубилась. Проснувшись, тут же взглянула на часы – половина третьего.

Наконец-то можно звонить!

Заперев дверь, чтобы ненароком никто не зашел в самый неподходящий момент, я опустилась в кресло и, откашлявшись, набрала номер сестры Кирилла.

Она ответила почти сразу.

– Алло, – голос у девушки был взволнованный.

– Здравствуйте, – как можно милее поздоровалась я. – Меня зовут... Катя! Я коллега Кирилла. Не могу до него дозвониться. В досье ваш телефон указан как экстренный контакт, поэтому я и звоню вам.

Эту речь я заготовила еще в больнице, поэтому сейчас проговорила все четко и без запинки. Мой детский логопед бы мной гордился.

– Ох, да, здравствуйте, – запинаясь, ответила сестра Кирилла, имя которой я так и не узнала. – Он в больнице, я только что от него ушла.

– Что случилось? – спросила я, придав голосу волнительные нотки.

– Он сам толком не знает, что произошло, но, судя по все-

му, на него напали и ограбили. Пропал бумажник, а на руке рана.

Черт, про бумажник-то я совсем забыла...

– С ним все в порядке? Он в сознании? – нетерпеливо спросила я.

– Нуу, не совсем... – странно ответила девушка.

– В смысле?

Сердце тут же ушло в пятки, а дыхание замерло. Что с ним не так?..

– Он не может ходить, – выпалила сестра Кирилла и тяжело вздохнула. – Вернее, он не совсем потерял эту способность, просто ему это тяжело дается. Врач говорит, что это последствия шока – дело в его психике, а не в теле. Оно-то как раз здорово, не считая раны на руке...

Она продолжала говорить что-то еще, но я уже ее не слышала.

Почему он не может ходить? Что за бред? Когда я была в его теле, его ноги были в полном порядке. Нелепица какая-то...

Распрощавшись с сестрой Кирилла, я в недоумении отложила телефон в сторону.

Что у него там с головой творится? Неужели, я что-то повредила?..

В полнейшем смятении я достала пачку чипсов и начала сосредоточенно их грызть. Прикончив целую упаковку, я бездумно начала бродить по дому. Так прошел целый день, а

на следующий я снова позвонила сестре Кириллу.

– Скажите, как к вам обращаться? – представившись, вежливо поинтересовалась я.

– Света.

– Света, ему лучше?

Лучше Кириллу не было. И хуже тоже. По словам сестры, его накрыла депрессия.

– Мало того, что он не может ходить, так еще и не помнит почти неделю из своей жизни. Он так страдает, а я даже ничем не могу ему помочь – по закону подлости все это время ни разу не выходила с ним на связь из-за поездки за границу. Вернулась на днях, и тут он позвонил мне из больницы. Кошмар какой-то. – Помолчав, она вдруг спросила: – А почему вы снова звоните мне, а не ему? Так и не можете дозвониться?

– Нет! Просто... – я лихорадочно начала придумывать отговорку. – Просто он не говорит, что с ним, а я волнуюсь.

– Вы, случайно, не его девушка? – внезапно поинтересовалась Света.

– Что?! Нет! Нет, конечно! – заверещала я.

Девушка недоверчиво хмыкнула.

– Ладно, буду держать вас в курсе. До свидания.

Закончив разговор, я откинулась на постель и тяжело выдохнула. Его девушка? Да с чего она вообще такое взяла?! Потому что я волнуюсь за него? Да все опекуны волнуются о своих подопечных, а Кирилл был для меня именно подопеч-

ным. Как же иначе?..

Я резко встала, подошла к зеркалу и уставилась на свое худое веснушчатое лицо. Он же мне не нравится, ведь так?

– Ты не могла влюбиться в него, Алиса, – сказала я своему отражению. – Это невозможно.

Ужин прошел как в тумане. Окутанная непониманием своих чувств и волнением о Кирилле, я на автомате клала в рот еду и медленно ее жевала. Мама с бабушкой, довольные тем, что я снова в своем теле, весело обсуждали меню новогоднего стола.

После еды я соврала, что устала, и попросила не беспокоить меня. Спрятавшись в ванне от родственников, которые внезапно начали страшно раздражать, я включила воду, добавила душистой пены и с наслаждением залезла в горячую воду.

Наложив на лицо маску и воткнув наушники, я погрузилась в полный релакс, стараясь ни о чем не думать. Когда вода начала остывать, я потянулась к мочалке и гелю для душа, пузырек которого, как назло, оказался пустым. Недовольно бубня себе под нос, я слегка приподнялась, чтобы достать до шкафчика, где хранились предметы для душа. Открыв его, в нерешительности замерла. Какой гель выбрать: черничный или клубничный?

Решив поискать в глубине свой любимый, с запахом ванильного мороженого, я заметила уже начатый гель с лавандой и апельсином. Тот самый, что я наглým образом унесла

из квартиры Кирилла.

Мне никогда особенно не нравилась лаванда, но на его коже этот запах был восхитительным. Взяв гель, я открыла его и поднесла к носу. Аромат Кирилла накрыл меня с головой. Прикрыв глаза, я вдыхала этот запах снова и снова, пока не закружилась голова.

Закрыв шкафчик, я выдавила гель на мочалку и, вспенив, провела ею по коже.

Минут через десять я уже стояла перед зеркалом и улыбалась своему отражению.

Засыпала я с запахом Кирилла на своем теле.

Глава 7

Следующие несколько дней мое настроение было похоже на американские горки. Я то радовалась, то переживала, то смеялась, то снова волновалась, а потом, поговорив со Светой, снова радовалась тому, что Кириллу легче. Однако стоило его сестре заметить, что у него вновь обостряется депрессия, мне опять становилось волнительно и грустно.

Из-за постоянных перепадов настроения я была похожа на человека, который напился энергетиков. Под вечер, когда энергия уходила, я падала на кровать и забывалась сном.

Каждый день я боялась, что из-за столь эмоционального состояния я снова переселюсь. Однако мне каким-то чудом все еще удавалось держаться.

Когда Света вдруг сказала, что завтра Кирилла выписывают, у меня внутри словно что-то рухнуло, раскрошилось и обвалилось. С одной стороны, я ждала этой новости, но с другой понимала, что после этого я уже не смогу звонить Свете и узнавать о здоровье Кирилла. Связь с ним будет утеряна, и от мысли об этом у меня даже сводило живот.

– То есть завтра его уже выписывают? – бесцветным голосом спросила я.

– Да. В восемь часов утра, – ответила Света.

– Понятно. Спасибо. Пока...

Вот и все.

Я присела на край кровати и уставилась в никуда. Ему же лучше, почему же мне стало хуже?..

Посидев немного, я решила пойти прогуляться. Открыла шкаф с одеждой и тут же наткнулась на лежащую внизу сумку, в которой я привезла вещи Кирилла. Потянувшись к ней, я открыла боковой карман, пошарила в нем и вытащила бумажник. Как я могла про него забыть?

Повертев бумажник в руках, я открыла его и пробежалась по карточкам: кредитка, скидки, купоны и водительские права. Вытащила последние и, как замороженная, уставилась на фотографию Кирилла. Внутри что-то защемило.

Что это? Что за чувство?..

Прижав руку к груди и продолжая смотреть на фотографию, я прислушалась к своим ощущениям. Душа ныла при виде Кирилла, тянулась к нему, хотела быть рядом.

– Я скучаю, – прошептала я, осознавая то, что никак не могла понять раньше. – Я страшно по тебе скучаю...

Тут же внутри меня словно что-то перевернулось с ног на голову. Тоска отошла на второй план, уступив место решимости. В голове начал созревать глупый и совершенно безумный план.

Гулять сразу же расхотелось. Вместо этого я выбрала самый вместительный рюкзак и начала складывать в него все то, что брала с собой, когда мама и бабушка возили меня на несколько дней к очередным шаманам и знахарям.

Итак, я вновь сбегала. Мой коварный план состоял в том,

чтобы выбраться из квартиры рано утром – пока мама и бабушка еще спят – добраться до автовокзала, сесть на нужный автобус, встретиться с Кириллом в больнице, отдать ему бумажник и тут же вернуться домой. Обычно я сплю до двенадцати, поэтому родные не должны ничего заподозрить. В десять мама уходит на работу, а бабушка включает телевизор и погружается в марафон сериалов. Как-нибудь да смогу вернуться незамеченной.

От волнения я не спала всю ночь, ворочаясь на одном месте. В четыре утра прозвенел будильник, и я пулей полетела в ванну.

Быстро собравшись, я съела батончик мюсли, запила его соком и, сжав в руках зонтик, тихонечко покинула дом в надежде, что никого не разбудила.

До автовокзала добралась без особых проблем, однако тут меня встретили первые трудности: до шести утра билетов на нужный мне рейс вообще не было. Самое раннее отправление – 6:35. Кирилла выписывают в восемь. До его города мне ехать примерно два часа, а потом еще какое-то время добраться до больницы.

Выхода у меня было два: вернуться назад или же купить билет и прийти к Кириллу домой, а не в больницу. Подумав несколько секунд, я хмыкнула и двинулась к кассе.

Была не была.

Раньше я никогда не ездила одна на автобусе, да еще и в темное время суток. Сначала было немного не по себе, од-

нако это чувство быстро испарилось, сменившись интересом и медленно растущей эйфорией от маленького путешествия и предстоящей встречи с Кириллом.

Заняв свое место рядом с окном, я устроилась поудобнее и приготовилась смотреть на горящие в темноте огни нашего города. В салоне было немного людей – со мной даже никто не сел, что очень даже хорошо. Я никогда не любила тесный контакт с незнакомцами, и в очередях мне всегда было некомфортно.

Думая о Кирилле и раз за разом прокручивая все варианты нашей с ним встречи, я не заметила, как уснула, а проснулась уже на въезде в город. Двух часов как ни бывало.

Сверившись с навигатором, я вышла на нужной мне остановке, поймала маршрутку и быстро добралась до района, в котором жил Кирилл.

Когда я подошла к знакомому подъезду, на часах было почти девять утра. Подойдя к домофону, я подняла руку, чтобы позвонить в нужную квартиру, но тут же ее отдернула. Внезапно меня со страшной силой начало трясти. Неужели я испугалась? Прямо на финишной прямой...

Пока я ходила из стороны в сторону, пытаюсь успокоиться, из подъезда вышла женщина с двумя детьми, и я, вытаращив глаза на этот подарок судьбы, рванула к закрывающейся двери. Проскочив внутрь, я довольно улыбнулась и с замиранием сердца поднялась на второй этаж.

Опасаясь, что руки снова начнут трястись, я тут же

несколько раз нажала на звонок и, крепко сжав заранее приготовленный бумажник, приготовилась ждать.

Дверь открылась. На пороге стоял не Кирилл, а какой-то худощавый парень с льняными волосами до плеч. Лицо его показалось мне смутно знакомым.

Взяв себя в руки, я хотела уже выдать заготовленный ранее текст про то, как я нашла бумажник, но блондин меня опередил:

– Ты сиделка? Отлично, проходи.

– Я...эээ...

– Быстро ты добралась. – Блондин не давал мне и слова сказать. – Пробок что ли еще нет? Странно. Или ты рядом живешь?

Я помотала головой.

– Далеко. – От волнения голос стал хриплым. Все явно шло не по плану...

– Заходи давай, – повторил блондин и, схватив меня за руку, втащил в квартиру.

Увидев знакомый интерьер, я заволновалась еще больше. Незаметно убрав бумажник в карман куртки, я замерла на месте, боясь посмотреть в сторону открытой двери, ведущей в комнату, откуда доносились звуки телевизора.

– Что стоишь? Раздевайся, – поторопил меня парень. – Не стесняйся.

Я сняла висевший на руке зонтик, стянула с себя куртку и разулась. Блондин любезно взял мой зонтик, куртку и пове-

сил их на крючок. Оглядев меня с головы до ног, он сказал:

- Такая молоденькая. Ты хоть школу закончила?
- Да, экстерном, – сказала я правду. Еще в том году.
- Прикольно. А почему дальше учиться не пошла? – не унимался блондин.

– Зарабатываю деньги на универ, – буркнула я, прижимая к груди рюкзак.

Любознательность этого парня начинала меня раздражать.

Блондин понимающе закивал.

– Ну, тут тебе, думаю, будет не сложно. Пациент не беспомощный, хоть и с трудом двигается. От тебя потребуются только самая незначительная помощь: сходить в магазин, помочь что-то достать или принести, а еще, разумеется, следить за ним. Видишь ли, его мучают кошмары.

– Кошмары? – удивленно переспросила я.

Блондин кивнул.

– На него напали, но он не может вспомнить обстоятельств. Говорит, такое чувство, что кто-то управлял его телом, пока он спал. Короче, повредился пацан головой – отсюда и кошмары, и неспособность ходить. Он иногда кричит по ночам, не может проснуться, задыхается.

– А что ему снится? – прошептала я.

– Не знаю. Он не говорит. Только ночью просыпается с криками и в поту, – пояснил парень, задумчиво почесав гладко выбритую щеку. – В общем, от тебя многого не требует-

ся. Единственное, что может напрягать – его характер. Он у него премерзкий.

Я удивленно уставилась на блондина. Все то время, что я видела во снах жизнь Кирилла, его характер не казался мне мерзким. Да, он был хмурым и серьезным, но чтобы мерзким? Да еще и с приставкой «пре»...

– Ладно, оставляю его на тебя, – вдруг объявил блондин, снимая с крючка коричневое пальто и зеленый шарф. – У меня дел по горло еще. Если что, звони мне, Никите. Записан у Кира в телефоне как «Златовласка». – Никита на секунду задумался: – Если, конечно, он не придумал что-то новенькое. Ладно, удачи, подруга.

Отсалютовав мне, блондин накинул на шею шарф и вылетел из квартиры подобно урагану, а я осталась одна стоять в коридоре и тупо глазеть на входную дверь.

Да, план явно пошел под откос...

С бешено бьющимся сердцем я на цыпочках подошла к распахнутой двери и заглянула в комнату, освещенную тусклым зимним солнцем. Широкий диван, на котором я проснулась после переселения, был разложен и застелен темно-синим покрывалом. Рядом, на диване поменьше, спиной ко мне сидел Кирилл. Сложив за головой мускулистые татуированные руки, он внимательно смотрел какой-то исторический фильм.

Все еще прижимая к груди рюкзак, я увлеченно наблюдала за Кириллом, боясь пошевелиться.

– Ну и что ты там прячешься? – прогремел до боли знакомый голос. – Я вижу твоё отражение в телевизоре.

Закусив губу, я вышла из своего укрытия и, подойдя к Кириллу, встала у него за спиной.

– Здравствуй, – дрожащим голосом поздоровалась я.

Кирилл приветственно кивнул и даже не обернулся.

– Я – сиделка, – сказала я.

– Я понял.

– Если что-то потребуется, обращайся.

– Ага.

Вот же говнюк!

– Я пойду пока, подожгу твою кухню.

– Ок.

– Давно хотела устроить пожар в чужой квартире.

– Ага.

Его что, подменили? Не может же быть, что пока я была в его теле, характер парня настолько испортился. Или может?..

Надув губы, я поставила рюкзак на пол и зашагала к книгам, которые стояли за креслом. Забравшись на него с ногами, я наклонилась вниз и отдернула простыню, которая накрывала книги.

– Ого, сколько ненужного пыльного барахла! – нарочито громко сказала я. – От него надо непременно избавиться! Это же вредит окружающей среде больного!

Реакция Кирилла не заставила себя ждать.

– А ну отошла оттуда! Не трогай мои книги! – проревел

он.

– Ой, а эта вообще разваливается в руках, – я усердно продолжала его игнорировать. – Наверное, на ней полно микробов!

Тут мне по пятой точке ударило что-то мягкое. Я быстро повернулась и тут же встретилась с пронзительным серо-голубым взглядом Кирилла. Душа мгновенно ушла в пятки, но не от испуга, а от восторга.

Некоторое время мы упрямо не сводили друг с друга глаз, выдерживая тяжелые взгляды.

– Отойди оттуда, – тихо прорычал Кирилл.

Любая другая девушка наверняка бы испугалась его жуткого выражения лица, но не я. Вместо того, чтобы бояться, мне хотелось смеяться. Не в силах больше сдерживаться, я громко прыснула, прикрывая рот рукой. Глаза Кирилла расширились от удивления.

– Ты что, больная? – спросил он, подозрительно поглядывая на меня. Его лицо вмиг перестало быть жутким.

– Нет, – сквозь смех ответила я. – Просто радуюсь, что мне удалось привлечь твое внимание.

Пару секунд Кирилл озадаченно пялился на меня, а потом в его глазах вспыхнуло понимание. Он цокнул языком и, закатив глаза, объявил:

– 1:1.

– Это игра? – я вскинула одну бровь и поудобнее устроилась в кресле.

– Может быть, – туманно изрек Кирилл.

Про себя я радостно отметила, что теперь он не сводит с меня изучающего взгляда.

– Как ты заметила книги? Они же были накрыты, – спросил Кирилл.

– Кто ищет, тот всегда найдет, – ответила я, разведя руками.

– А если серьезно?

Я нашла их еще в тот раз, когда переселилась в твое тело, а потом сперла одну из них. Прости.

– Я обожаю книги, поэтому их от меня не скрыть, – вслух сказала я.

Кирилл хмыкнул, а потом повернулся к телевизору и недовольно буркнул:

– Из-за тебя я просмотрел классный момент.

– Перемотай.

– Это прямой эфир. У меня нет такой функции.

– Значит, скачай и посмотри.

Он снова повернулся ко мне и прищурил серо-голубые глаза.

– У тебя на все есть решение?

Я кивнула.

– Моя бабушка говорит, что выхода нет только из гроба.

– Она ошибается, – мрачно изрек Кирилл. – Выхода нет много из чего.

– Например? – спросила я, склонив голову и любуясь его

профилем, на который падал солнечный свет.

– Например, из квартиры, если ты инвалид.

Его слова резанули меня по сердцу, однако я не стала извиняться. И молчать тоже не стала.

– Можно доползти. Руки-то у тебя работают хорошо, как я погляжу.

Кирилл повернулся ко мне и снова прищурил глаза. Я демонстративно ткнула ногой в подушку, которую он запустил аккурат в мою пятую точку.

– Доползешь, не смотри на меня так, – продолжила я. – А там лесенка – легкий спуск. Правда, потрясет чуток, пока будешь по ней съезжать вниз. Открыть дверь будет непросто, но ничего, подтянешься. Руки-то сильные.

И снова мы не сводили друг с друга внимательных взглядов. Ожидая ответа Кирилла, я внезапно осознала, что мое волнение куда-то испарилось. Я разговаривала с этим парнем так непринужденно, будто знала его уже очень давно. Все мои фразы и колкости вылетали так легко, словно дыхание.

После минутного молчания Кирилл хмыкнул и вдруг улыбнулся, спокойно и легко. Не поверив своим глазам, я несколько раз быстро моргнула, но улыбка не пропала с его лица.

– Меня зовут Кирилл, – сказал он.

Я знаю, хотелось ответить мне. Я почти все про тебя знаю...

– Алиса, – представилась я.

Глава 8

– Ты есть случайно не хочешь? – спросил Кирилл.

Я помотала головой, однако мой желудок издал недовольный возглас, ловко поймав меня на вранье. Услышав урчание, Кирилл снова улыбнулся – на этот раз не только губами, но и глазами.

– Кажется, твой живот думает иначе, – заметил он. – Закажем пиццу?

Сначала я хотела согласиться, но потом вспомнила, что Кирилл больше любит домашнюю еду, чем ресторанныю.

– Не стоит, – отмахнулась я, слезая с кресла. – Я что-нибудь приготовлю. Продукты есть?

Глаза Кирилла загорелись.

– Да, Никита затарил холодильник. А ты умеешь готовить?

– Угу, – соврала я и ушла в кухню.

Я почти каждый день видела, как готовит бабушка. Думаю, ничего сложного в этом нет. Осталось только вспомнить, что любит Кирилл.

Раздумывая над этим вопросом, я открыла холодильник. Пачка сосисок, яйца, сыр, масло, майонез, кетчуп и молоко. И это называется «затарил»?

Вздыхнув, я достала яйца, кетчуп и сосиски.

Бабушка делает восхитительную яичницу по-французски.

Правда, туда нужны помидоры и перец, но вместо этого я добавлю сосисок. Так даже вкуснее будет. Поставив на плиту сковородку, я разбила в миску яйца и взбила их. Туда же добавила порезанных сосисок и немного хлеба. Кажется, бабушка делала именно так...

Вылив на сковороду смесь, я прикрыла будущую яичницу крышкой и занялась приготовлением чая.

В дверь позвонили.

– Алис, открой, пожалуйста, – донесся до меня голос Кирилла.

– Конечно, – крикнула я и поспешила в прихожую, радуясь тому, что отношение Кирилла ко мне изменилось в лучшую сторону.

За дверью стояла полненькая дама средних лет. Поправив узкие очки, она добродушно улыбнулась и сказала грубоватым голосом:

– Здравствуйте, меня зовут Юлия Александровна. Я сиделка.

Приехали...

– Знаете, мы больше не нуждаемся в ваших услугах, – без раздумий выпалила я.

Ох, черт, что же я творю?!

Глаза Юлии Александровны округлились.

– Это как так? Ложный вызов?

– Что вы, нет, конечно, – замахала я руками. – Просто я в последний момент решила уволиться и самой заботиться

о своем брате.

Сиделка смерила меня подозрительным взглядом. Поправив на плече раздутую сумку, она буркнула:

– Аванс не верну.

– Ничего страшного. – Я изобразила дружелюбную улыбку.

Юлия Александровна облегченно вздохнула.

– Ну и хорошо. Все равно оплата была слишком низкой для того, чтобы целые сутки следить за вашим братом.

– Сутки? – переспросила я. – Вы ночевать тут должны были?

Сиделка кивнула, а я неопределенно хмыкнула. Ох, во что же я ввязалась?

– Алиса! На кухне воняет! – услышала я громкий крик Кирилла.

Блин, яичница!..

Захлопнув дверь, я полетела в задымленную кухню, где страшно воняло гарью.

– Черт, черт, черт! – завопила я, не зная, за что хвататься.

Выключив огонь и сняв крышку, я сунула сковороду с черной яичницей под холодную воду, от чего повалило еще больше пара.

Закашлявшись, я начала активно размахивать полотенцем, чтобы разогнать смог в кухне.

– Окно открой, – послышалось сзади.

От неожиданности я вскрикнула и чуть не задела Кирилла

рукой с полотенцем.

– Ты как сюда пришел? – удивилась я, разглядывая его среди дыма.

– Ну, тебе же сказали, что я не совсем немощный, – ответил Кирилл. – Эти палки немного, да помогают.

Тут я увидела, что он упирается руками на костыли. Внутри меня тут же что-то оборвалось. Нет, я правильно сделала, что отпустила сиделку. Из-за меня он теперь еле ходил, поэтому именно я должна искупить свою вину. Хоть на что-то сгодится моя жалкая и бесполезная жизнь.

Кирилл закашлялся, и я, очнувшись от размышлений, побежала открывать окно.

– А говорила, что умеешь готовить, – насмешливо заявил Кирилл, заглядывая в раковину. – Это хоть очистится?

Я повернулась к нему и пожалала плечами.

– Может, все же закажем пиццу?

– Да, наверно, – расстроено согласилась я.

Кивнув, Кирилл неуклюже развернулся и заковылял обратно в комнату, но на полпути остановился и спросил:

– Кто приходил-то?

– Свидетели Иеговы, – бросила я.

– А что так долго с ними разговаривала?

– Сказала им, что я язычница и попыталась убедить их во всемогуществе Перуна.

Кирилл весело хохотнул и вернулся в комнату. Я же осталась в кухне мыть пострадавшую сковородку и думать о том,

как сказать родителям, что я решила остаться с человеком, чье тело недавно занимала.

К тому времени, как вся посуда, включая сковороду, была вымыта, я поняла, что маме и бабушке лучше не знать правды. Иначе они тут же приедут сюда, скрутят меня по рукам и ногам, и увезут домой. После такого, скорее всего, мне даже не разрешат гулять возле дома...

Кирилл сидел на прежнем месте, укрывшись пледом, и смотрел телевизор. Подойдя к дивану, я взяла рюкзак, вытащила кошелек и проверила наличку. Хорошо, что я заранее додумалась снять со своей карты внушительную сумму денег. Надеюсь, этого хватит на то время, что я решила остаться с Кириллом. Хоть бы он быстро поправится...

– Я заказал пиццу, – объявил Кирилл, поворачиваясь ко мне.

– Отлично, – отозвалась я, убирая кошелек назад. – Мне надо отойти ненадолго, ты справишься?

Серо-голубые глаза уставились на меня в немом вопросе. Я ждала, что он поинтересуется, куда я собралась, но Кирилл лишь кивнул.

– Запиши мой телефон.

Я послушно забила номер, который он мне продиктовал и, нажав на вызов, скинула после первого гудка.

– Я недолго, – пообещала я и, одевшись, схватила ключи с зонтиком и вылетела из квартиры.

Если я решила остаться, то мне надо было сделать две ве-

щи: поменять симку и позвонить домой с уличного телефона.

Салон сотовой связи оказался в десяти минутах ходьбы от дома Кирилла. Без проблем купив новую симку, я тут же вставила ее вместо старой и перезагрузила телефон. Теперь, если мама попытается отследить меня по номеру, у нее ничего не получится. Если, конечно, она не засунула в мой телефон следящее устройство. Даже если так, деньги на новый телефон тратить не хотелось. Мне и так надо продержаться неопределенное время в чужом городе, а пользоваться картой уже было рискованно.

Выйдя из салона, я побрела искать телефонную будку. Не найдя ее, я зашла в мужскую парикмахерскую и вежливо попросила у бородатого дядьки разрешения позвонить с городского телефона.

После долгих гудков трубку сняла бабушка. Услышав ее голос, мое сердце екнуло. Наверно, если бы мне ответила мама, я бы так не переживала. Пусть я ее и любила, но все же она была тираном. Очень любящим меня тираном. Бабушка же всегда старалась защищать меня и постоянно прикрывала от мамы.

– Бабуль, это я, – прошептала я в трубку.

– Алиса! Но ты же... – пролепетала бабушка.

– Нет, я не дома. Бабуль, я не могу пока вернуться. Нет времени объяснять, но у меня все хорошо. Я сама ушла. Так надо. Иначе бы я задохнулась в этой клетке.

Бабушка охнула. Моя душа сжалась, но я продолжила:

– Стены давили на меня, я так больше не могла. Бабуль, прости меня и, пожалуйста, пойми. Я обязательно вернусь, но не сейчас. Не ищите меня.

– А если ты переселишься? – дрожащим голосом спросила бабушка.

Об этом мне совершенно не хотелось думать. Представляю, как грохнусь перед Кириллом, а потом очнусь в теле какой-нибудь бабульки и приду к нему. Привет, я Алиса. Можешь быть поаккуратнее с моим телом? Кстати, у меня синдром потерянной души. Это значит, что я могу прыгать из одного тела в другое. Я и в твоём теле была. Мне понравилось.

– Как-нибудь справлюсь, – ответила я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно позитивнее.

– Обещай, что скоро вернешься! И обещай, что будешь звонить как можно чаще, – срывающимся голосом потребовала бабушка.

Я сглотнула вставший в горле ком и ответила:

– Обещаю.

– Наташа будет в ярости, – прошептала она, имея ввиду мою маму.

– Пока, бабуль, – сказала я и быстро повесила трубку.

В следующий раз наверняка нарвусь на маму, и тогда разверзнутся небеса. Бабушку жалко – мамина злость свалится в первую очередь на нее.

Что ж, переживать сейчас уже нет смысла – я приняла решение и менять его не собираюсь, каким бы ужасным по отношению к родным оно ни было.

Вытерев навернувшиеся слезы, я взяла себя в руки и, поблагодарив бородатого парикмахера, зашагала к дому Кирилла.

Глава 9

Как только я вошла в квартиру, Кирилл крикнул мне из комнаты, что пиццу уже давно принесли, а он не мог мне дозвониться, поэтому начал есть без меня. Я извинилась и, сняв верхнюю одежду, аккуратно подложила бумажник во внутренний карман его куртки.

– Что с твоим телефоном? – поинтересовался Кирилл.

– Симка заглохла, – соврала я. – Пришлось купить новую.

Забив мой новый номер, Кирилл похлопал рукой по месту рядом с собой.

– Сейчас классный фильм начнется, ты вовремя, – объявил он, заталкивая большой кусок пиццы в рот.

– Что за фильм? – спросила я. Усевшись рядом, я потянулась за куском пиццы и замерла. – Стоп, а как ты открыл курьеру?

– Доковылял, – невозмутимо ответил Кирилл, глядя в телевизор.

Я скосила взгляд на костыли, которые лежали под рукой парня, привалившись к подлокотнику дивана. Совесть не замедлила укусить мою душу.

– Больше я от тебя не отойду, – виновато прошептала я.

Прекратив жевать, Кирилл повернулся ко мне. Некоторое время мы внимательно смотрели друг на друга, а потом я пе-

ревела взгляд на его перевязанную левую ладонь. Проследив за моим взглядом, Кирилл покрутил рукой перед глазами и сказал:

– Понятия не имею, как это произошло. Очнулся, а у меня дырка в руке...

– Прости.

– Что?

Я прикусила губу. Слова сами собой соскочили с языка.

– За что простить? – переспросил Кирилл.

За то, что я поранила тебя, пытаюсь спасти от самой себя.

– Забей, – отмахнулась я, повернувшись к телевизору. – Так что за фильм?

– «Знакомьтесь, Джо Блек», – все еще глядя на меня ответил Кирилл. – Про смерть, которая решила устроить себе каникулы и вселилась в Бреда Питта.

– Звучит прикольно, – призналась я.

Несмотря на то, что фильм был интересный, бессонная ночь все же дала о себе знать. После того, как я наелась теплой пиццы, меня потихоньку начало клонить в сон. Я мужественно этому сопротивлялась, однако в какой-то момент все же сдалась и провалилась в сладкое забытие.

Проснулась я от приятного шепота прямо мне на ухо:

– Алиса, в дверь позвонили. Алиса, проснись...

В нос ударил запах лаванды и цитруса. Что-то теплое зашевелилось рядом и невесомо коснулось моего плеча. Я открыла глаза и поняла, что моя голова лежит на плече Кирил-

ла. Оторопев, я тут же отстранилась от него и помотала головой. На пол слетел плед, которым мы оба были укрыты. Ойкнув, я поспешила поднять его и вернуть обратно, но, перестаравшись, накрыла Кирилла с головой.

Сдавленно хохотнув, он вылез из-под пледа и со смеющимися глазами сказал:

– Дверь, Алиса.

– Ой, точно! – Я хлопнула себя по лбу и поспешила в прихожую.

Оказывается, к нам ломился физиотерапевт Кирилла, который, как я позже узнала, будет приходить каждый день в это же время.

Я не стала крутиться рядом и смущать Кирилла, поэтому деликатно ускользнула в кухню и, закрывшись, начала смотреть видео по кулинарии. Вспомнив, что Кирилл любит шарлотку, я пересмотрела около десяти разных способов ее приготовления и сохранила себе те, что понравились больше всего. Может быть, испеку ее на Новый год.

Ожидая, пока уйдет физиотерапевт, я подошла к окну и выглянула на улицу. Потихоньку начинало смеркаться. С неба падал мелкий снег, который кружил шаловливый ветер. Одновременно зажглись фонари вдоль дороги. Люди медленно возвращались домой и исчезали в своих подъездах.

Внезапно я задумалась о том, что было бы, если бы Кирилл не изменил ко мне своего отношения. Что сели бы он так и остался равнодушным и противным букой? Я бы оста-

лась с ним? Посчитала бы, что виновата перед ним?

Даже не знаю. Наверно, зависит от того, насколько он мне дорог. Собственно, это мне и предстоит выяснить в ближайшее время, а еще попытаться разобраться в своих чувствах к нему.

В дверь кухни постучались.

– Да, войдите, – громко сказала я.

Дверь открылась, и я увидела худое лицо физиотерапевта. Кажется, он представился Петром. Или Павлом...

– Алиса, могу я с вами поговорить? – вежливо поинтересовался мужчина, входя в кухню и прикрывая за собой дверь.

Я кивнула и жестом пригласила его сесть.

– Кирилл сказал, что вы его сиделка, поэтому я и хочу вам кое-что сказать.

Придав лицу серьезное выражение, я приготовилась слушать. Петр откашлялся и продолжил:

– Так как травма у Кирилла психологическая, а не физическая, у него есть большие шансы на то, что он сможет быстро вернуть себе способность ходить. Однако для этого ему нужны не только занятия со мной.

Физиотерапевт замолчал, внимательно глядя на меня.

– Ему нужны какие-то препараты? – предположила я.

– Нет, я имел ввиду вас.

– Меня?! – удивилась я.

– Да. Вам тоже надо приложить усилия. Знаю, в вашу плату это вряд ли входит, но, чтобы Кирилл смог ходить как

можно быстрее, с ним надо заниматься больше, чем раз в день. Достаточно будет просто водить его по квартире без костылей, поддерживая за руки. Поверьте, он вполне с этим справится – его тело в прекрасном состоянии. Все проблемы сидят глубоко в его голове. – Мужчина постучал указательным пальцем по виску.

– Я вас поняла, – кивнула я.

Мы еще немного обсудили Кирилла, я записала упражнения, которые он должен делать утром и вечером, и мы с Петром распрощались. Закрыв за ним дверь, я вернулась к Кириллу, и, подойдя к нему со спины, облокотилась на спинку дивана.

– Что ты все это время делала на кухне? Уничтожала остатки нашей еды? – поинтересовался он, тщательно скрывая сарказм в голосе. – Оказывается, ты не шутила, когда говорила про пожары.

Я обиженно фыркнула.

– Готовить я пока не буду, так что придется питаться едой из ресторанов. Уж извини.

– Почему ты снова извиняешься? – Кирилл развернулся ко мне всем телом и внимательно посмотрел мне в лицо.

Я устало вздохнула, а услышав его следующий вопрос, чуть не грохнулась на пол:

– Мы с тобой не встречались раньше?..

Глава 10

Лицо Кирилла было так близко к моему, что я чувствовала кожей его дыхание. Пристально глядя на меня, он ждал ответа.

Игнорируя бешеное биение сердца, я пожала плечами и небрежно ответила:

– Может, виделись на улице пару раз. Хотя, вряд ли. Я живу в другом городе.

На лице Кирилла мелькнуло едва заметное разочарование. Он отстранился от меня и, повернувшись к телевизору, тихо сказал:

– Ясно.

Мне бы промолчать, но я же любопытная. Перелезла через спинку дивана и, поджав ноги под себя, уставилась на Кирилла.

– Почему ты спросил?

Парень хмыкнул, пожав плечами.

– Просто в который раз мне кажется, что мы уже встречались. – Кирилл отстраненно смотрел в телевизор. – Почему-то мне знакомы твои манеры, звук твоего голоса, твой смех... Бред, правда?

– Ну почему же сразу бред? – возмутилась я. – Может, мы знали друг друга в прошлых жизнях? Отсюда у тебя и дежавю.

Мои слова рассмешили Кирилла так, что на его щеках появились ямочки. Наконец-то я их увидела!

– Ты что, веришь в переселение душ? – спросил он, глядя на меня как на маленького неразумного ребенка.

– А почему бы и нет? Это романтично. – Я придала лицу мечтательное выражение, а потом, подумав немного, спросила: – Ты бы поверил, если бы я сказала, что моя душа может переселяться из одного тела в другое?

Кирилл подпер рукой подбородок и сделал вид, что задумался, а потом улыбнулся и ответил:

– Пока сам не увижу, не поверю.

Такого ответа я от него и ожидала.

Удовлетворительно кивнув, я потянулась и широко зевнула, забыв прикрыть рот ладонью. Кирилл, увидев мою пасть, усмехнулся и спросил:

– Устала?

– Угу. Не спала ночью.

– Тогда ложись. У меня есть раскладное кресло, которое рядом с книгами, но, если хочешь, я уступлю тебе диван.

– Нет! Не надо! – Я замахала руками, как ветренная мельница. – Посплю на кресле.

Вскочив с дивана, я в два прыжка оказалась у кресла и принялась крутиться перед ним, пытаюсь понять, как его разложить. Кирилл с интересом наблюдал за мной с дивана. Спустя некоторое время я нашла рычажок внизу и, плавно потянув за него, смогла превратить кресло в узенькую кро-

вать.

– Ох, какая она маленькая, – вырвалось у меня.

В сравнении с моей домашней кроватью «queen size», это был просто какой-то гробик. Не хватало только крышки.

– Эм... – промычал Кирилл.

Посмотрев на него, я заметила, что парень стесняется.

– Вообще-то я говорил Никите, что мне не нужна кругло-суточная сиделка, но он меня и слушать не хотел.

– У тебя кошмары, а еще ты задыхаешься по ночам, – сказала я, сложив на груди руки.

– С этим я могу справиться и сам, – буркнул Кирилл.

– А твой друг считает иначе. Поэтому я здесь.

Настроение Кирилла заметно испортилось. Он смотрел куда-то в сторону, задумчивый и отрешенный. Мне страшно хотелось подойти к нему, взять за руку, погладить по шоколадным волосам, успокоить, но я не могла. Это он для меня как родной, а я для него чужая.

– Не надо стесняться принимать помощь, когда ты в ней нуждаешься, – сказала я, сев на краешек разобранного кресла. – В этом нет ничего плохого. Гораздо хуже, когда ты настолько одинок, что некому тебе помочь.

Кирилл не посмотрел в мою сторону, а спустя некоторое время бесцветным голосом сообщил, что постельное белье в нижних ящиках шкафа с одеждой.

– Мне бы еще что-нибудь типа пижамы или ночнушки, – смущенно пробормотала я.

– Там же. Возьми любую футболку.

Выбрав самую длинную черную футболку и логотипом «Металлики» и кое-как постелив себе постель – этим всегда занималась бабушка, – я спросила у Кирилла разрешение пойти в ванну и, получив в ответ кивок, скрылась за дверью.

Включив воду, я опустилась на прохладный кафель и тяжело вздохнула. Он снова от меня закрылся. Я все испортила. Что если он уже не откроется? Неужели его обидели мои слова?

Господи, как же сложно ладить с людьми!

Злобно зарывчав, я растерянно оглядела ванную комнату. Как же я буду без своих умывалок, масок и кремов? Завтра же надо все это купить, иначе моя кожа сойдет с ума.

Быстро ополоснувшись и почистив зубы – благо, у Кирилла были запасные щетки, – я переделалась в футболку и вышла из ванной.

– Надо будет купить себе еще одежды, – прошептала я себе под нос.

Привалившись к стене и держась за костыли, Кирилл стоял в кухне и с нетерпеливым видом ждал, когда я выйду из ванны.

– Помочь? – спросила я.

– Сам, – отрезал он и, неуклюже обойдя меня, направился в ванну.

Прижав к груди свои вещи, я присела на стул в кухне и стала ждать Кирилла. Лучше быть поближе к нему – вдруг

что случится.

В ожидании я чуть не провалилась в дрему. Когда замок ванной двери щёлкнул, я резко вскочила и уронила одежду. Охнув, я наклонилась поднять ее, а когда выпрямлялась, задела головой угол стола.

– Уууу, – простонала я, потирая ушибленное место.

Поблизости раздался сдавленный смешок. Подняв голову, я увидела Кирилла, который смотрел на меня и изо всех сил сдерживался, чтобы не засмеяться во весь голос. Стянув с мокрой головы полотенце, он тряхнул почти высохшей челкой и сказал:

– Пошли спать, кулема.

Схватив одежду, я подлетела к нему.

– Давай помогу дойти. Физиотерапевт сказал, что тебе надо постоянно тренироваться. А еще делать зарядку утром и вечером. Ты сделал, кстати?

Кирилл громко простонал и закатил глаза к потолку. Не дожидаясь его согласия, я сунула одежду подмышку, положила его руку себе на плечи и осторожно забрала у него один костыль. Парень неуверенно качнулся, но я свободной рукой обвила его спину и крепко сжала. Медленно, но уверенно мы направились в комнату.

Дойдя до финиша, Кирилл стянул покрывало, опустился на разобранный диван и, ловко подтянувшись, удобно улегся.

– Ты пьешь какие-то таблетки на ночь? – спросила у него

я.

Парень помотал головой.

– От этих кошмаров нет лекарства, а быть овощем я не хочу.

Я задумчиво хмыкнула. От моих снов о тебе тоже не было лекарства. Как и от моей болезни, благодаря которой я тебя и встретила.

Сходив в кухню за водой, я поставила стакан на тумбочку рядом с Кириллом, выключила свет и забралась на свою узенькую постель.

– Добрых снов, – тихо сказал Кирилл.

– И тебе добрых снов, – искренне пожелала я.

Однако это не помогло, и вскоре я проснулась от его истошного крика.

Мгновенно сообразив, что случилось, я вскочила с постели и подлетела к Кириллу. Он был весь мокрый, метался из стороны в сторону, не открывая глаз. Его губы что-то лихорадочно шептали.

– Кирилл, проснись! – Я похлопала его по влажным щекам. – Кирилл!

Никакой реакции.

Я начала звать его громче, сильнее хлопать по щекам, тормошить. Наверно, прошла целая вечность, прежде чем он открыл глаза.

Как только Кирилл очнулся, то задышал жадно, быстро и хрипло, будто его только что душили. Взяв стакан с водой, я

молча протянула его парню. Лихорадочный взгляд Кирилла сфокусировался на мне. Посмотрев на стакан, он схватил его и залпом осушил.

– Ты как? – тихо спросила я, бездумно взяв его за руку и слегка ее поглаживая.

– Уже нормально, – хрипло ответил Кирилл.

Я кивнула, забирая у него стакан.

– Принесу еще.

– Угу.

Он нехотя выпустил мою руку и повернулся лицом к окну. Когда я вернулась с полным стаканом воды, Кирилл уже спал. Подойдя к нему, я легко коснулась его лба и проверила пульс на шее. Кожа уже была не мокрой, а пульс спокойный и ровный.

Успокоившись, я убрала с его красивого лица пряди волос и, тихо вздохнув, вернулась к себе в постель.

Глава 11

Следующий день был не таким насыщенным, как предыдущий. Мы проснулись с Кириллом почти в одно время, я помогла ему сделать зарядку, а потом мы вместе позавтракали разогретыми остатками пиццы – прямо в постели. Потом Кирилл включил очередной фильм, а я ушла в кухню заварить чай и почитать кулинарные рецепты. Новый год уже наступал на пятки, и я начала потихоньку думать, как нам с Кириллом отметить этот праздник. Пока что я планировала испечь грушевую шарлотку – в моих снах маленький Кирилл ее обожал, – сделать какой-нибудь легкий салат и что-то на десерт.

После занятий с физиотерапевтом Кирилл был совсем без сил. Закрыв за Петром дверь, я вернулась к парню и заметила:

– С тебя сегодня прямо три шкуры драли.

Кирилл устало посмотрел на меня.

– Он заметил улучшения. Всего за сутки. Вот и увеличил нагрузку.

– Правда? – радостно взвизгнула я и тут же прикрыла рот ладонью.

Такая радость немного озадачила Кирилла, но он ничего не сказал. Пытаясь унять волнение, я схватила лейку и начала поливать елочку.

– Осторожно, зальешь, – предупредил меня Кирилл. – Зимой ее надо умеренно поливать.

Засмотревшись на игрушки, я бездумно бросила:

– Она совсем сухая была. Ты нагло забыл про свою Мисс Хвою.

Мгновенно поняв, что сморозила, я мысленно чертыхнулась и медленно повернулась к Кириллу. Глаза парня сделались узкими и подозрительными.

– Откуда ты знаешь, как ее зовут? – спросил он, чеканя каждое слово.

– Ты в курсе, как громко говоришь во сне? – решила наехать на него я. – Кричишь на всю квартиру: я забыл полить Мисс Хвою! Не трудно было догадаться, кто она такая.

Взгляд Кирилла смягчился, однако подозрение в нем все еще скользило.

– Игрушки просто чудесны, – решила сменить тему я. – Мне всегда так хотелось иметь подобные. А еще дождик и мишуру, чтобы украшать елку, как в советских фильмах. Мама мне не разрешает подобного. Она помешана на сочетаении, и называет мои идеи безвкусными. Игрушки у нас красивые, но в них нет души, нет новогоднего духа, понимаешь?

Кирилл слегка кивнул головой. Я хмыкнула и мечтательно коснулась потертой лампы Аладдина.

– Откуда такие?

– От деда. Бабушка рассказывала, что он работал на фабрике, где делали елочные игрушки, вот и натаскал. Это все,

что осталось. Многие разбила моя криворукая сестра Светка.

– У тебя есть сестра? – Я подошла поближе и уселась на подлокотник дивана рядом с Кириллом.

При упоминании сестры он сморщился.

– Противная девчонка. Жутко навязчивая, да к тому же еще и страшная болтунья.

Это я уже поняла. Она разбалтывала мне все, что касалось Кирилла, когда я спрашивала о его здоровье. Однако, не смотря на недовольную мину, Кириллу нравилось рассказывать про сестру. Это было заметно по его блестящим глазам, перед которыми, наверно, вставали образы Светы. Поэтому я продолжила задавать вопросы о ней.

Разговорившись, Кирилл поведал мне много смешных историй из их детства, а также подробно описал характер и пороки Светы. Я много смеялась и пару раз даже чуть не упала с подлокотника, но Кирилл успевал меня поймать. Когда я чуть не завалилась в третий раз, он ловко схватил меня за талию и больше своей руки не убирал, таким образом аккуратно поддерживая меня.

– Она первая ко мне в больницу прилетела, – задумчиво сказал Кирилл, глядя на наряженную елочку. – Верещала как сумасшедшая. Позвонила Никите и Олегу, черт-те что наплела про меня – оба приехали мгновенно. Олег даже бросил командировку. Кудахтали надо мной, как родители.

Услышав слово «родители», я невольно поерзала на ме-

сте. Страшно тянуло расспросить его о них, узнать, что же произошло после того, как пропал его брат. Из снов я только поняла, что после его исчезновения Кирилл больше не общался с матерью и отцом.

– А что твои родители? – как можно невиннее спросила я.

Глаза Кирилла, до этого блестящие, мгновенно потускнели. Рука, что придерживала меня за поясницу, напряглась.

– Мы не общаемся после...

– После? – спросила я замерев.

Доверится или нет?

Кирилл молчал. Однако, когда я уже хотела печально вздохнуть, он тихо сказал:

– После того, как из-за меня пропал мой младший брат, Ромка. Я за ним не уследил, и он куда-то сбежал. Мы так долго его искали, но без толку. Потом пошли слухи, что в нашем районе орудует маньяк – после Ромки пропали еще три мальчика. Двоих вскоре нашли, но они ничего толком не сказали, только ревели навзрыд. Пару напряженных месяцев я прожил с родителями, а потом ушел к бабушке. Не смог выносить ненавистных взглядов матери. С тех пор общаюсь только с сестрой.

Он устало откинулся на спинку дивана, будто этот рассказ вытянул из него все силы. Я встала и, ободряюще коснувшись его плеча, подошла к стене с гирляндами. Наклонилась и вставила вилку в розетку. Проследив за мной, Кирилл удивленно вскинул брови.

– Не грусти! – нараспев произнесла я, указав на мигающие разноцветные огоньки.

Кирилл сложил руки на спинке дивана и, положив на них голову, уставился на меня.

– Я вот одного не пойму, – после недолгого молчания сказал он. – Почему мне кажется, что я знаю тебя уже давно? Почему откровенничаю с тобой, как с давним другом? Почему мне спокойно рядом с тобой? Может, ты рождественский ангел? Иди дух Рождества, который пришел направить меня на путь истинный?

Засмеявшись, я замотала головой.

– Я простая девушка, поверь. Во мне мало чего необычного.

– Ну, я бы с этим поспорил, – не согласился со мной Кирилл. – А что ты мне расскажешь о своих родственниках? Где ты живешь?

– Хмм. – В задумчивости я потеревила веточку Мисс Хвои, от чего висящие на ней игрушки мелодично зазвенели.

Мне не хотелось рассказывать о своей жизни. Ничего интересного в ней не было. Однако увидев заинтересованное лицо Кирилла, я помимо своей воли начала рассказывать ему о себе, упуская, разумеется, свою болезнь.

Меня словно прорвало. Я жаловалась на маму, которая решила меня нормального веселого детства и подростковой суеты, запретив ходить в школу и гулять далеко от дома. Жаловалась на бабушку, которая и слово поперек не могла ска-

зать своей дочери. Кирилл молчал и внимательно слушал меня, а потом задал логичный вопрос:

– Ты болела? Почему с тобой обращались, как с дорогим фарфоровым сервизом?

Я вздохнула, ломая пальцы на руках, и сдавленно кивнула.

– Тогда это их оправдывает.

– Отчасти.

Кирилл хотел сказать что-то еще, но я демонстративно отвернулась от него и подошла к окну. Снова сыпал снег, и я не могла этому нарадоваться. Последние пару лет Новый год мы встречали с весенней погодой. Неужели в этот раз у нас будет снег?

– Погулять бы, – тихо прошептала я, любуясь кружащими снежинками под фонарями.

Словно маленькие балерины в пышных пачках они танцевали незамысловатый танец, медленно оседая на землю, к тем снежинкам, что уже завершили свое падение.

Сзади послышалась возня, а затем громкий стук.

– Блин! – выругался Кирилл.

Повернувшись, я увидела, что он хотел подняться, но один костыль уронил и теперь пытался пододвинуть его к себе с помощью второго.

– Ну и куда ты намылился? – тоном мамочки просила я.

– По нужде, – раздраженно бросил он, тщетно пытаясь подтянуть костыль.

Я подошла к парню и демонстративно повела перед ним

плечом. Он непонимающе уставился на меня.

– Пошли, отведу тебя.

– А там ты мне тоже поможешь? – ехидно поинтересовался Кирилл.

Мои щеки тут же вспыхнули жаром. Потупив взгляд, я неловко кашлянула. Подняла костыль и протянула его Кириллу.

– Спасибо, – буркнул он и заковылял в сторону ванны. Остановился, обернулся и сказал: – Хотя, кое в чем ты бы могла мне помочь.

Я в надежде вскинула голову. Кирилл провел рукой по подбородку.

– Мне бы не помешало побриться. Сможешь?

– Раз плюнуть! – заявила я, довольно улыбнувшись.

Кирилл смерил меня недоверчивым взглядом, однако позже, когда я закончила свою виртуозную работу, он провел по лицу рукой и, глядя в зеркало, одобрительно присвистнул.

– Ты как будто всегда этим занималась.

Ну да, пришлось несколько раз побрить твое заросшее колючее личико.

– Твой подбородок мало чем отличается от моих коленок, – вслух сказала я, промывая станок под водой.

Если честно, мне было даже немного обидно, что я так быстро справилась со своей задачей. Было что-то очень приятное в том, как я направляла станок по изгибам его челюсти, как аккуратно смывала с его лица пену, а потом легкими

движениями наносила лосьон. Все это время Кирилл внимательно следил за мной, а я всеми силами пыталась не смотреть ему в глаза, потому что знала, что в противном случае я в них утону.

– Представляешь, меня вроде как обокрали, – как бы между прочим сказал Кирилл, рассматривая себя в зеркало. Перед тем, как его побрить, я привезла в ванну крутящийся стул на колесиках и поставила его перед раковиной, имитируя парикмахерскую.

– Почему «вроде как»? – спросила я.

Промыв станок, я убрала его в шкафчик и присела на край ванны.

– Когда я вернулся из больницы, то заметил, что пропало кое-что из одежды и бытовых вещей. Например, бритвенный станок и гель для душа. Такое впечатление, что я куда-то собрался, но потом оставил где-то эти вещи. И бумажник, кстати, тоже пропал.

– Может, ты действительно куда-то собрался, – предположила я, размышляя, как аккуратно намекнуть, что бумажник может быть в кармане его куртки. – Ты же почти не помнишь, что с тобой произошло, как мне сказал Никита.

Кирилл кивнул.

– Все как в тумане. Однако у меня почему-то осталось чувство, будто кто-то помимо меня управлял моим телом. Знаешь, это как интуиция. Вроде не понимаешь, почему так не надо делать, но все же прислушиваешься и не делаешь, а

потом радуешься, что послушался. Вот так и тут. Я просто это чувствую. – Он коснулся рукой груди и сморщился.

Интересно, если он узнает, что в его теле была я, он изменит свое отношение ко мне? Скорее всего, да. Думаю, ему будет очень противно. Ведь это как будто тобой попользовались, испортили и выбросили.

– Может, посмотрим фильм? – внезапно предложил Кирилл. – Или ты опять утупишься в свой телефон? Неужели там так интересно?

Скривив рот и закатив глаза, я недовольно заметила:

– Вообще-то я ищу, что нам приготовить на Новый год. Не будем же мы есть пиццу и мандарины.

– А что нам еще остается? – Кирилл развел руками. – Как выяснилось, ты не наделена кулинарным талантом.

– Вот же говнюк, – воскликнула я и слегка пнула Кирилла ногой.

Он засмеялся и попытался поймать мою ногу, но я вовремя увернулась.

– Дай мне второй шанс! В этот раз у меня все получится, вот видишь! И давай лучше вместо фильма утвердим меню, – предложила я. – Смотри, что я нашла. Шарлотка с грушей, салат вот-такой. – склонившись к Кириллу, я начала показывать ему фотографии блюд.

Он внимательно слушал меня, разглядывал картинки и молча кивал, одобряя мои задумки.

– Ну, что скажешь? – поинтересовалась я, убирая телефон

от его лица.

Кирилл смотрел на меня каким-то новым взглядом, который я не могла понять. Его серо-голубые глаза святились, как никогда раньше.

– Скажу одно: откуда ты такая взялась на мою голову?

Глава 12

Тридцать первого декабря я проснулась в предвкушении чего-то грандиозного. Для меня этот Новый год должен был стать абсолютно не таким, как все, что были до него.

И на это было три причины.

Во-первых, я буду встречать его не с родными. Во-вторых, к празднику я буду готовиться сама. И в-третьих, этот Новый год я встречу с женщиной.

Внутри меня все кипело от предвкушения. Не в силах усидеть на месте, я еле дождалась прихода физиотерапевта и, как только Петр вошел в квартиру, вылетела на улицу.

В магазинах бурлила жизнь, подтверждая, что люди, в основном, все делают в последний момент. В том числе и новогодние закупки. Под заводную песню «Три белых коня» я носилась с корзинкой по магазину, выбирая нужные продукты, то и дело сверяясь со списком покупок в телефоне. Отстояв длинную очередь, я вылетела на свежий морозный воздух и сделала глубокий вдох. По носу тут же пробежали миллионы ледяных иголочек.

Почему-то в эту самую минуту праздник почувствовался острее всего. Все эти приготовления, ожидание, суета – вот из чего состоит Новый год. А еще капелька волшебства, в которую в глубине души верит каждый. Ведь когда как не в Новый год может случиться чудо?

Спрятав лицо в шарф и поправив лямки рюкзака, в котором лежали продукты, я направилась домой. Беззаботно размахивая зонтиком, я шагала по припорошенному недавним снежком тротуару и глазела по сторонам. Проходя мимо парикмахерской, откуда звонила домой, я остановилась и, немного подумав, зашла внутрь. Вместо бородатого мужика я встретила молодого худенького паренька, которой тоже не отказал мне в просьбе позвонить с их городского телефона.

Набрав бабушкин номер, я стала ждать ответа.

– Слушаю. – Голос бабушки был уставшим. Я сразу же это поняла.

– Бабуль, это я. Привет.

– Алиса, солнышко! – тут же оживилась бабушка. – Как ты?

– Хорошо, а ты?

– Плохо. Без тебя нам очень плохо, дорогая. Мама просто места себе не находит. Почему ты ей не позвонишь?

Потому что боюсь. Боюсь ее гнева, который испортит мне праздник. А еще больше я боюсь, что она заплачет и начнет умолять меня вернуться. Тогда я точно не выдержу.

– Алиса? Не поступай так с ней, она за тебя волнуется.

– Знаю, – буркнула я. – Просто я хочу хоть немного побыть свободной.

– Но мы никогда не запирали тебя!

Нет, бабуль, вы запирали. Сами того не понимая. И пусть это было из-за моей болезни, но запрещать мне отходить да-

леко от дома и посещать школу – это уже чересчур.

– Бабуль, мне пора, – сдавленно сказала я. – С наступающим...

Настроение резко опустилось. Домой я шла уже не с таким приподнятым духом, как десять минут назад. Однако едва я зашла в квартиру, как у меня чуть не отвалилась челюсть.

Вся квартира была завешана разноцветной мишурой, с которой свисал переливающийся дождик. Все это было настолько безвкусно и блескуче, что моя мама упала бы в обморок от ужаса, но не я. Скинув ботинки, я прямо в куртке и с рюкзаком на спине прошла в комнату, оглядывая все вокруг с открытым ртом.

Кирилл расслабленно сидел в кресле с книгой. При виде меня он тут же отложил потрёпанный томик в сторону и, широко улыбнувшись, подался вперед.

– Как тебе? – спросил он с горящими глазами.

– Потрясающе! – воскликнула я, перебирая пальцами свисающий серебряный дождик. – Но как?

На лице Кирилла расцвела широкая улыбка, от которой на обеих щеках появились ямочки.

– Я еще с утра попросил сестру принести старые коробки со всей этой шушерой из гаража родителей. Они все равно уже давно не украшают этим дом, так чего добру пропадать?

– Действительно, – подтвердила я.

Господи, как же радовало меня это старое добро!

– Света принесла все очень вовремя – минут через десять

после твоего ухода. А Петр помог украсить квартиру. Правда, за это со следующего года я буду отдуваться вдвойне на тренировках. – Кирилл состроил недовольную гримасу.

Я смотрела то на него, то на всю эту красоту, которую он тут устроил, и мне вдруг так захотелось задушить этого парня в объятиях и никогда не отпускать. Взяв себя в руки, я улыбнулась и сказала:

– Спасибо тебе огромное. Я словно перенеслась в сказку.

Серо-голубые глаза Кирилла вспыхнули радостью, и я поняла, что если еще хоть ненадолго задержу на нем взгляд, то растаю. как сосулька в теплый весенний день.

Оставив Кирилла читать книгу, я быстро переоделась и ушла на кухню готовить праздничный ужин.

Боже, как же я старалась! По нескольку раз пересматривала видео, четко следовала инструкции, не отвлекалась ни на минуту. В итоге же я была вознаграждена не пригоревшей шарлоткой, вкусным салатом и божественным десертом.

Стянув с себя фартук и тяжело вздохнув, я посмотрела на часы и охнула. Уже почти десять вечера, а сюрприз для Кирилла еще не готов!

– Так, переезжай на кухню! – велела я ему, влетая в комнату.

Кирилл удивленно взглянул на меня из-под книги.

– Давай-давай, – поторопила его я. – Мне тут кое-что надо сделать. Займет минут двадцать.

Удивленный взгляд парня сменился на хитрый.

– Поможешь? – спросил он, протягивая ко мне руки.

Я подлетела к нему и помогла подняться. Стоял он на ногах очень неуверенно, однако всего несколько дней назад он не мог и этого. Прогресс действительно был просто потрясающим.

Доведя Кирилла до кухни, я усадила его на стул, вручила книгу, а сама отправилась обратно в комнату. Помимо продуктов я накупила еще и кучу гирлянд с батарейками. Выйдя на открытый балкон, я принялась украшать ими все вокруг, а когда закончила, то вытащила из шкафа два раскладных стула, которые заметила еще в тот раз, когда впервые очутилась в это квартире, и поставила их на балконе.

Закончив приготовления, я вернулась на кухню. При виде меня Кирилл отложил книгу и, указав на приготовленные угощения, поинтересовался:

– А выпивать мы что будем?

– Блин! – вырвалось у меня. Про напитки я совершенно забыла.

Кирилл, видя мое отчаяние, лукаво улыбнулся и сказал:

– В шкафу с крупами есть несколько бутылок вина. Выбери, какую хочешь.

Какую хочу? Но я ни разу до этого не пила алкоголь...

Достав первую попавшуюся бутылку, я вслух прочитала надпись на этикетке:

– Красное сухое.

Кирилл сморщился.

– Посмотри еще. Полусладкого нет?

Я послушно залезла в шкаф и достала остальные бутылки.

Изучив все этикетки, я помотала головой.

– Ну ладно, – махнул рукой Кирилл. – Оставляй первое. Сделаем глинтвейн. У меня как раз где-то была смесь для него.

Так вместе мы занялись приготовлением глинтвейна. Кирилл сидел на стуле и руководил, а я бегала по кухне, выполняя его приказы. Когда напиток был готов, часы показывали начало двенадцатого.

Переместившись к телевизору, мы уселись на диване и расставили на журнальном столике перед собой новогодние вкусности.

– А это что? – спросил Кирилл, указав пультом на десерт.

– Это сладость, которая каждый раз готовится в нашей семье на Новый год, – с гордостью ответила я. – Взбитая сметана с сахарной пудрой и черносливы, начиненные грецкими орехами.

– Звучит вкусно, – сказал Кирилл и потянулся к шарлотке.

Кто бы сомневался...

Я притянула к себе миску салата и с аппетитом проглотила несколько ложек, глядя на какое-то красочное новогоднее шоу в телевизоре.

– Это...так вкусно, – тихо проговорил Кирилл, глядя на кусок пирога в своей руке. – Прямо как у бабушки.

Мои губы сами по себе растянулись в довольной улыбке.

– А ты говорил, что я бездарный повар, – демонстративно фыркнула я.

– Беру свои слова назад.

Мы медленно ели приготовленные мной угощения, время от времени переключая каналы и разговаривая о всяких мелочах. В комнате царил приятный, новогодний полумрак, озаряемый мигающими гирляндами. Их свет отражался на игрушках, которые украшали Мисс Хвою, и от этого они казались еще красивее.

Минут за пятнадцать до полуночи я встала с дивана и принесла нам с Кириллом куртки, а еще мой зонтик. Парень непонимающе уставился на меня.

– Не спрашивай, одевайся. У меня для тебя сюрприз.

– Ты же знаешь, что я сейчас не в том состоянии, чтобы гулять по ночным улицам.

– Мы не выйдем из квартиры, обещаю, – сказала я, протянув Кириллу куртку.

Хмыкнув, он взял ее из моих рук и быстро надел. Следом я подала ему мой зонтик.

– Это будет тебе еще одной опорой, – пояснила я, подставляя ему свое плечо.

Взяв плед, заведомо вылитый в термос глинтвейн и Кирилла, я, нагруженная как ослик, побрела к балкону. Усадив на стул Кирилла, который все еще пребывал в недоумении, я вручила ему плед с термосом, а сама принялась по одной включать гирлянды. Вскоре весь балкон залило мягкое бе-

ло-желтое сияние сотен маленьких огоньков.

Усевшись рядом с обалдевшим Кириллом, я накрыла нас пледом, включила в телефоне прямую трансляцию из Кремля и разлила глинтвейн по стаканам.

– Ну как? – спросила я, вручая ему горячий напиток.

– Потрясающе, – ответил он, переводя свой горящий взгляд на меня.

Забирая бокал, он намеренно задержал свои пальцы на моей руке и лукаво улыбнулся.

В этот момент я и ощутила волшебство. То, о котором мечтают все в эту праздничную ночь. Все внутри меня кричало о любви к Кириллу, и я, делая маленькие глотки горячего напитка, смотрела на огоньки гирлянд и удивлялась, почему до этого не понимала, что чувствую к этому человеку? Почему только в этот момент я осознала, что люблю его? Это же так очевидно!

Бой курантов отвлек меня от мыслей и вернул к реальности, в которой Кирилл держал в руках бокал с глинтвейном и смотрел на меня взглядом, от которого я была готова растаять прямо на месте.

Не сговариваясь, мы начали отсчитывать бой часов, а когда куранты пробили двенадцатый раз, радостно заверещали и стукнулись бокалами. Тут же на улице послышались взрывы фейерверков, и темное небо озарилось разноцветными огнями, которые складывались в красивые узоры.

– С Новым годом, – тихо сказал Кирилл. – Спасибо за

праздник. Мне уже давно не было так хорошо и спокойно.

Подавшись порыву, я накрыла его ладонь своей и сказала:

– Хочу, чтобы все твои печали и кошмары остались в том году, а в этом ты видел только хорошие и добрые сны.

Кирилл взглянул на наши руки и в задумчивости произнес:

– Я бы хотел избавиться от кошмаров, но они сняться мне с детства, и я ничего не могу с этим поделать.

– Но я думала, что это из-за того, что с тобой недавно случилось...

Я непонимающе уставилась на Кирилла. Он не сводил взгляда с наших рук.

– Эти кошмары совершенно иные. Они ощущаются физически и причиняют боль. А те, что я вижу с детства, лишь берегут душу, – тихо сказал он. – Я начал видеть их, когда пропал брат. Страшные картины его смерти, его мучений. Сначала я каждую ночь просыпался в страхе, но со временем привык, и кроме грусти эти сны ничего уже во мне не вызывали.

– Ты поэтому набил на руке ловца снов?

Кирилл кивнул.

Я допила глинтвейн, поставила бокал на пол и вскочила с места. Подошла к периллам, схватилась за них и стала любоваться непрекращающимся фейерверком.

– Красота какая! – выкрикнула я. – Так и хочется подойти поближе!

Кирилл поднял на меня взгляд, и его губы тронула легкая улыбка. Обрадовавшись ей, я радостно запрыгала и завертелась на месте, но вдруг оступилась и, не удержавшись, полетела спиной к периллам. Время словно замерло. Я увидела отблески салюта на стеклах и почувствовала, как позвоночник ударился о железные перилла. Доля секунды и я поняла, что мое тело перевернулось и начало падать головой вниз.

– Алиса!

Истошный крик Кирилла затмил даже звуки взрывающихся фейерверков. Мгновение – и он схватил меня за талию и прижал к себе. Тяжело дыша, я крепко обняла Кирилла и уткнулась лицом в его куртку. Не знаю, сколько мы так стояли под небом, которое то и дело озаряли разноцветные огни. От страха я потеряла дар речи, и Кирилл, кажется, тоже.

Когда я успокоилась и смогла дышать тихо и ровно, то подняла голову и посмотрела Кириллу в лицо. Он с волнением рассматривал меня, все еще продолжая крепко обнимать за талию. Глядя в его серо-голубые глаза, я вдруг поняла одну поразительную вещь...

– Ты сейчас думаешь о том же, о чем и я? – в волнении произнесла я, не в силах оторваться от его пронзительного взгляда.

Сглотнув, Кирилл сдавленно кивнул и хрипло сказал:

– Я очень хочу тебя поцеловать...

– Да нет же, балда! – Я стукнула его рукой по плечу. – Ты

стоишь!

Взгляд Кирилла из блаженного сделался недоумевающим. Не выпуская меня из объятий, он устался вниз, на свои ноги, и тихо ахнул. Однако тут же начал терять равновесие, и я поспешила подвести его к стулу.

– Ты стоял! – радостно объявила я. – Даже более того – ты сам встал и подлетел ко мне как метеор! Это же потрясающе! Мне надо побольше падать, тогда ты очень быстро встанешь на ноги.

– Обалдела? – злобно зыркнул на меня Кирилл. – У меня чуть инфаркт не случился! Больше не пущу тебя на балкон.

Глядя на его недовольную физиономию, мне вдруг захотелось смеяться. А потом я вспомнила слова, которые он произнес, обнимая меня...

– Ты серьезно? – тут же спросила я.

– Конечно! Знаешь, как я испугался?!

– Да нет, я не про инфаркт, – отмахнулась я.

– А про что?

– Про поцелуй...

Сказав это, я почувствовала, как к щекам прилило тепло. Кирилл молчал. Смотрел на меня лукавым и одновременно жгучим взглядом.

– Да, я был серьезен, – наконец сказал он.

Мое сердце воспарило от его слов.

– Но твои мысли не сошлись с моими, – продолжил Кирилл, недовольно надув губы. – Так что...

– Ну я же не говорила, что не хочу этого! – возмутилась я.

– Тогда скажи это, – прошептал Кирилл.

Наклонившись к моей шее, он легонько коснулся ее губами, словно дразня. По всему телу пробежали мурашки. Тихо ахнув, я потянулась к Кириллу и запустила пальцы в его волосы.

– Я хочу, – дрожа, выдохнула я.

Кирилл довольно ухмыльнулся и, проведя рукой по моим распущенным волосам, прижал меня сильнее к себе. В предвкушении я прикрыла глаза и подалась вперед. Кирилл легко прикоснулся губами к моим губам и медленно, мягко поцеловал меня. Нежная сладость окутала меня, перетекая сверху вниз, разжигая в груди и животе пламя. Мой рот сам по себе приоткрылся, и язык Кирилла мгновенно скользнул меж моих губ. Из-за переполняющих меня чувств я задыхалась. Мне не хватало воздуха, но прерывать из-за этого поцелуй совсем не хотелось. Это был мой первый раз, и я не думала, что целовать любимого человека может быть так приятно, так опьяняюще прекрасно.

Однако эти прекрасные мгновения прервал зазвонивший телефон Кирилла. Недовольно отстранившись от меня, он принял вызов и тут же улыбнулся – звонила его сестра.

Втянув носом морозной воздух, я вдруг почувствовала, что без горячих губ Кирилла начинаю стремительно замерзать.

После сестры Кириллу позвонили еще несколько друзей

и коллег с работы. Когда он закончил принимать поздравления, мы переместились в теплую комнату. Включили Гарри Поттера, устроились в обнимку на диване и смотрели фильм до тех пор, пока не захотели спать.

Доведя Кирилла до постели, я помогла ему лечь и заботливо накрыла его одеялом. Чмокнув его в щеку, я встала, чтобы уйти на свое узенькое кресло, но Кирилл схватил меня за запястье и с силой притянул к себе. Я завалилась на кровать, а он, обхватив меня, прижал к себе.

– Сегодня ты спишь со мной, – сообщил он тоном, не терпящим возражений.

– Но... – сдавленно пискнула я.

– Никаких «но», – было мне ответом. – Ты сама сказала, что в этот год я должен ступить без кошмаров. Вот ты и будешь их от меня отгонять.

Кирилл поерзал и, плотнее прижавшись ко мне, уткнулся лицом в мои волосы.

– Сладких снов, мой рождественский ангел, – прошептал он.

– Спи спокойно, – ответила я и закрыла глаза.

Глава 13

Итак, у меня появился парень. Он старше меня на семь лет, у него сильные и одновременно ласковые руки, пронзительный взгляд и совершенно очаровательная улыбка. И, о да, я схожу по нему с ума. Один только взгляд на него, и все мои мысли тут же вылетают из головы. Надеюсь, у Кирилла происходит нечто подобное, а то было бы несправедливо.

После незабываемого Нового года прошла почти неделя. Приближалось Рождество. Кирилл делал большие успехи. Теперь он уже передвигался вполне уверенно, помогая себе моим зонтиком. От трости, принесенной Петром, он наотрез отказался. Сначала я злилась, что Кирилл прибрал к рукам мой любимый зонтик, но потом поняла, что эта злость напускная, и на самом деле мне ничего не жалко для этого парня.

За все это время я ни разу не позвонила домой. Стыдно признать, но я совершенно забыла о маме и бабушке – Кирилл полностью завладел моим сознанием. Вновь.

В Рождество Кирилл позвал меня на свидание. Первое, официальное, включающее в себя все банальности – от просмотра кино до прогулки по вечерним улицам города. Боже, как я была счастлива!

Разумеется, фильм мы почти не смотрели – задние сиденья, оказывается, действительно идеально подходят для то-

го, чтобы незаметно целоваться. Полтора часа мы буквально не могли оторваться друг от друга. Просыпав попкорн еще в начале фильма, мы убрали подлокотник, который разделял нас, и больше его не опускали. Даже когда в конце загорелся свет, и Кирилл мягко отстранился от меня, я тут же притянула его обратно. Люди откровенно пялились на нас, но мне было все равно, что удивительно, ведь совсем недавно я была уверена, что никогда не буду целоваться и обниматься со своим парнем на глазах у всех. Вот, что делает любовь – сметает все принципы подчистую.

После кино мы пошли в кафе. От переполняющих меня эмоций я совершенно не хотела есть, зато Кирилл сильно проголодался. В итоге я выпила лишь молочный коктейль, в то время как он съел порцию картошки фри, бургер и два сэндвича.

Потягивая из трубочки свой коктейль и глядя на то, как Кирилл ест, во мне просыпалась внутренняя бабушка и тихо радовалась хорошему аппетиту парня. Расправившись с едой, Кирилл посмотрел на меня осоловевшим взглядом и томно поинтересовался, куда мы пойдем дальше.

Не раздумывая, я объявила, что хочу гулять. Хочу любоваться огнями ночного города, держать за руку любимого человека, останавливаться каждый раз, когда хочется его поцеловать, вставать на цыпочки и подставлять ему свои губы.

Обо всем этом, разумеется, я Кириллу не сказала, однако то ли он был чертовски догадливым, то ли между нами уста-

новилась какая-то незримая связь, но он делал все, о чем я так мечтала, чего безумно хотела.

Держа Кирилла за теплую руку, я любовалась разноцветными мигающими огоньками, неоновыми вывесками, нарядными елками. Мой восторженный взгляд забавлял Кирилла, и он то и дело останавливал меня, пристально смотрел в мое лицо, гладил по раскрасневшимся от мороза щекам и мягко целовал покрытые бальзамом губы.

– Ваниль, – бормотал он, облизываясь. – Ты со вкусом ванили.

– Это не я, а мой бальзам для губ, – весело говорила я.

Так прошло наше волшебное свидание – радужное из-за новогодних огней, теплое из-за рук Кирилла и ванильное из-за моих губ. Этот день я запомню на всю жизнь. Мое первое свидание, моя первая вечерняя прогулка, моя первая любовь...

На пути домой я вдруг страшно захотела мармелада. Кирилл, как истинный джентльмен, вызвался исполнить мое желание. Мне не хотелось идти в душный магазин, поэтому я решила подождать его на улице, наслаждаясь мягкой погодой и мерцающими гирляндами на деревьях.

Ловя варежкой редкие снежинки, я услышала рядом с собой детские крики и невольно обернулась. Молодая симпатичная женщина вела за собой двух маленьких детишек, одетых как снеговики, а за ней шел мужчина и тоже держал за руки двух детей постарше. Все четверо были похожи как две

капли воды: пухлощечие, голубоглазые, с румяными щеками как у Деда Мороза.

Засмотревшись на детей, я не заметила, как их отец остановился передо мной и радостно поздоровался. Я перевела взгляд на мужчину и даже приоткрыла рот от удивления. Это был тот самый шаман, на которого так разозлилась мама.

Его серо-зеленые глаза искрились весельем и любопытством, что делало его похожим на Питера Пена. Правда, уже повзрослевшего и остепенившегося, однако все еще такого же хитрого и любящего веселье.

– Здравсьте, – пролепетала я, прижав руки в варежках к груди.

– Как ты? – спросил шаман. Кажется, его звали Михаил. Память на имена у меня скверная...

– Все в порядке, спасибо. А вы? – Удивление во мне постепенно испарялось, уступая место любопытству.

– Хорошо, как видишь, – ответил мужчина, глядя на своих детей. – Вот, идем за вкусняшками.

Детишки, которые сначала с интересом меня разглядывали, теперь уже начали тянуть отца к магазину. Стоящая у входа женщина с остальными малышами терпеливо ждала мужа.

– С прошедшими праздниками тебя, Алиса, – весело пробасил шаман и, развернувшись, направился к жене.

– Извините! – вдруг выкрикнула я.

Мужчина остановился и обернулся. Дети с еще большим

усилием потащили его к матери, но он упрямо стоял на месте и ждал дальнейших моих слов.

– Могу я у вас кое-что спросить? – осторожно поинтересовалась я.

Мне словно кто-то на ухо шептал, что не следует упускать возможность – другой такой может уже не представиться. Ведь какова вероятность совершенно случайно встретить на улице шамана? Или это не случайность?..

Мужчина кивнул мне, наклонился к детям, что-то им тихо сказал и подтолкнул к матери. Все пятеро зашли в магазин, а шаман подошел ко мне.

– В тот день, когда мы к вам пришли, – начала я, немного волнуясь. – Что вы сказали моим родителям? Что помогло вам остановить эту болезнь? Что поможет мне?..

Лицо шамана озарила хитрая улыбка. В свете гирлянд казалось, что в его глазах прыгают бесенята.

– Я сказал твоим родителям, что тебе надо влюбиться.

– Что? Влюбиться? – озадаченно переспросила я.

Мужчина кивнул.

– Так просто? – удивилась я.

– Ну, я бы не сказал, что это просто. Я нив кого не влюблялся, пока не встретил свою жену, Альбину. – Взгляд шамана сделался мягким и мечтательным. – Сначала я наивно полагал, что болезнь блокируют гормоны, которые активно вырабатываются в период влюбленности. Например, эндорфины, способствующие покою и удовлетворению. Однако с

годами я понял кое-что иное.

Я неосознанно подалась ближе к мужчине, в надежде поскорее услышать его секрет. То, что спасет меня от болезни.

– Все не гормоны сдерживают наш недуг, а человек.

– Человек? – снова переспросила я, тупо уставившись на шамана.

– Любящий и любимый человек. Знаешь, сколько раз я находился на волоске от переселения, и сколько раз Альбина меня возвращала?

Я помотала головой.

– Да тыщу раз! – радостно объявил шаман, будто я выиграла миллион в лотерее.

– И вы удержались в своем теле?

Мужчина уверенно кивнул.

– И ни разу больше не переселялись?

Снова кивок.

– А как...

– Алиса!

Прервав свой вопрос, я повернулась к входу в магазин и увидела машущего мне Кирилла. Робко помахав ему в ответ, я снова повернулась к шаману.

– Я смотрю, у тебя действительно все отлично, – сказал мужчина, глядя на подходящего к нам Кирилла, который держал в руках целый пакет сладостей, а ведь я просила только мармелад. – Если у вас все будет хорошо, то ты быстро выздоровеешь!

– Выздоровеешь? – удивленно спросил Кирилл, подходя к нам и вставая рядом со мной. – Не понял, ты что, болеешь?

– Удачи вам, – шаман весело поиграл бровями и, махнув мне рукой, поспешил в магазин.

Кирилл внимательно уставился на меня. Суровый взгляд серо-голубых глаз требовал объяснений. Взяв его под руку, я потянула парня в сторону дома.

– Помнишь, я рассказывала, что мне нельзя было ходить в школу и тому подобное? – тихо начала я, медленно ступая по слегка припорошенному снегом тротуару.

– Помню. Я думал, ты уже поправилась.

– Отчасти.

– Это серьезно? – В голосе Кирилла слышалось волнение. Я помотала головой.

– Можно, я расскажу тебе об этом позже? Это не грозит моему здоровью, и, возможно, скоро совсем пройдет. Просто я хочу...хм...кое-что проверить.

Кирилл вздохнул и, обвинив меня свободной рукой за талию, притянул к себе. Я положила голову ему на плечо. Идти так было не очень удобно, но чрезвычайно мило и романтично.

– Хорошо, расскажешь все, как только будешь готова, – согласился он.

Я прикрыла глаза и слегка улыбнулась. Я все-все тебе расскажу, но пока что мне нужно время. Ты должен привязаться ко мне настолько, что после всей правды уже не захочешь от

меня уйти. Надеюсь, ты меня любишь так же, как и я тебя, потому что, расскажи мне такое ты, я бы тебя не бросила. Никогда и ни за что.

Глава 14

Наше первое свидание прошло великолепно. Подходя к дому, я крепко держала Кирилла за руку и пребывала в полной уверенности, что этот день уже ни что не омрачит.

Однако я ошибалась.

Пока Кирилл искал на дне своего рюкзака ключи, я начала поглядывать по сторонам и, заметив до боли знакомую красную «Вольво», тихо охнула. Кирилл поднял на меня глаза, а потом повернулся к машине, из которой вышли мои родители.

Все же меня каким-то образом нашли. Вот и закончилась моя свобода.

С каменным лицом мама быстро подошла ко мне, схватила за руку и, ничего не говоря, потянула к машине. Однако я не сделала ни шагу. Почувствовав сопротивление, мама обернулась и злобно прошипела:

– Идем!

Я помотала головой. Стоящая рядом бабушка смотрела на нас со страдальческим выражением лица.

– Идем, я сказала! – громче воскликнула мама и сильнее потянула меня за руку.

Я пошатнулась и чуть не упала, но Кирилл обхватил меня за талию и притянул к себе. Мама невольно выпустила мою руку, но тут же попыталась снова схватить меня, однако Ки-

рилл не дал ей этого сделать.

– Вы кто? – спросил он, пряча меня за спину.

– Не твое дело!

– Это моя мама, – шепнула я на ухо парню.

Кирилл удивленно уставился на пылающую гневом женщину.

– Алиса, не глупи, – вмешалась молчавшая до этого бабушка. – Пошли домой.

– Я не хочу, – пропищала я из-за спины Кирилла.

– Твои желания уже не учитываются!

Мама стряхнула с шубы снежинки и скрестила руки на груди.

– Ты сбежала к этой образине! Поверить в это не могу! Что, захотелось поиграть в шлюху?

Ее слова резанули по мне ножом. Моя мама, родная, любимая мама. Почему она говорит такие гадости?

От обиды у меня затряслись руки, а из глаз потекли слезы.

Бабушка подошла к маме и, схватив ее за плечо, грубо развернула к себе и выкрикнула:

– Ты как разговариваешь с дочерью?!

Столь грубого тона я еще ни разу не слышала от бабушки. Лицо мамы исказилось от злости и обиды. Казалось, она сейчас либо закричит, либо заплачет. У меня же слезы уже всю текли по лицу. Горячие, соленые, несущие в себе злость и обиду.

– А как ты со мной разговаривала, когда я сказала тебе,

что беременна?! Ты забыла, какие словестные помои на меня вылила?! Напомнить?!

От неожиданности бабушка отпустила маму и отшатнулась. Закрыла лицо руками в кожаных перчатках и тихо всхлипнула. Бросив на бабушку взгляд, полный боли, мама вытерла выступившие слезы и повернулась к нам с Кириллом.

– Или ты идешь с нами, или я забираю тебя силой, – хрипло сказала она. – Твой побег и сожительство с *этим*, – мама кивнула на Кирилла, – переполнили чашу моего терпения. Я носилась с тобой больше всю твою жизнь, пыталась огордить от опасностей, и так ты мне отплатила?

– Мам, я...

– Замолчи, Алиса! Мне надоело! Хочешь жить самостоятельно – живи. Но только сначала выздоровей!

Я непонимающе на нее уставилась.

– Но тебе же не понравилось лечение, которое мне предложил...

– Я не про это говорю, – отмахнулась мама. – Проведем ритуал. Если выживешь и поправишься – можешь свалить на все четыре стороны. Я не буду за тебя волноваться.

Бабушка охнула и прикрыла рот руками. Я крепко сжала куртку Кирилла и нервно сглотнула. Этот ритуал настолько опасен, что после него выживают лишь двое из десяти. Мама бы никогда не приняла такого решения. Она бы никогда не рискнула моей жизнью. Неужели, я так ее обидела?..

– Я понятия не имею, о чем вы говорите, – стальным голосом начал Кирилл, доставая телефон из кармана. – Однако если вы сейчас не уйдете, я вызову полицию и расскажу, что вы хотите провести над дочерью какой-то ритуал. – Он набрал номер и продемонстрировал маме светящийся экран телефона.

Бабушка взяла маму за руку и потянула к машине.

– Тише, давай оставим их...

– Ни за что я не оставлю свою дочь с этим бандитом! – крикнула мама, вырываясь из рук бабушки.

– Этот бандит сейчас позвонит в полицию, – все тем же стальным голосом заметил Кирилл, поднося телефон к уху.

Мама кинула на него злобный взгляд. Я знала, что у нее везде есть свои знакомые, но только в нашем городе. Здесь же она почти никого не знала, а значит, ей придется отступить. Пожалуйста, мама, уйди...

Злость на родителей, обида от слов мамы, ненависть к своей болезни, – все это окутало мою душу темной, холодной волной, сдавило мое сердце, затруднило дыхание. Слабая, еле ощутимая щекотка в груди вдруг дала о себе знать.

Все, я пропала...

Несколько минут мама злобно смотрела на нас с Кириллом, словно гипнотизируя, а потом резко развернулась и медленно пошла к машине. Бабушка кинула на нас извиняющийся взгляд, что-то тихо пробормотала и поспешила за мамой. Усадив ее в машину, она захлопнула дверь и подо-

шла к нам.

– Дай мне свой номер, – с мольбой попросила бабушка. Ко мне она близко не подошла – Кирилл не позволил.

Щекотка становилась сильнее, а голова начала кружиться.

Смысла скрывать новый номер уже не было – меня и так нашли. Кашлянув, я сбивчиво продиктовала бабушке цифры, которые она тут же записала в телефон.

– Береги себя, – сказала она, и, развернувшись, пошла к машине.

Когда красная «Вольво» выехала из двора и скрылась за соседним домом, я схватила Кирилла за руку и выдохнула:

– Домой...скорей...

Щекотка стала почти невыносимой, а в глазах заплясали черные пятна. Кирилл, увидев, что со мной что-то не так, испугался и, подхватив меня на руки, поспешил домой.

Залетев в квартиру он, не разуваясь, принес меня в комнату и уложил на диван.

– Ты как? – испуганно спросил он хриплым голосом. – Вызвать скорую?

– Скорая не поможет... – вымученно ответила я, царапая через куртку зудящую грудь.

– Что мне делать?! – простонал Кирилл.

Он был в отчаянии. Стоял передо мной на коленях и не знал, чем помочь. Мне стало жаль его. Одно из самых обидных чувств – это то, когда ты понимаешь, что бесполезен. Перед болезнью, обстоятельствами, смертью...

Я протянула руку, и Кирилл тут же сжал ее, притянул к себе, поцеловал. Голова кружилась так, что я уже не понимала, лежу я или стою. Щекотка сделалась невыносимой. Еще немного и я переселюсь, а Кирилл, не зная о моей болезни, подумает, что я мертва. Мое тело без души практически не подает признаков жизни...

– Алиса! Алиса, не покидай меня! – вдруг закричал Кирилл, крепче сжимая мою руку.

Наверно, я выгляжу совсем паршиво, раз он закричал. Впервые я услышала в его низком, уверенном и спокойном голосе нотки паники. Впервые я пожалела, что не рассказывала ему всей правды. Интересно, смогу ли я снова встереться с ним?

– Не забывай меня... – мой голос был тихим и безжизненным.

Не в силах больше держаться, я закрыла глаза и приготовилась к потере сознания и переселению. Меня тут же окутала густая тишина, нарушаемая лишь звуком моего прерывистого дыхания. Некоторое время спустя, помимо своего дыхания я услышала чей-то голос. Прислушавшись к нему, я смогла различить свое имя.

– Алиса...

– Алиса...

Кажется, это голос Кирилла. Даже ускользая в небытие, я все равно слышу его. Надеюсь, его голос навсегда останется в моей памяти.

– Алиса...

Голос Кирилла усиливался. Довольная тем, что могу его слышать, я расслабилась и представила, что захожу в реку, ложусь на спину и полностью отдаюсь течению.

Покой. Я спокойна. Я приняла свою судьбу – судьбу потерянной души.

– Алиса!

Голос прозвучал прямо над ухом. Расслабленность тут же ушла. Я напряглась и, сопротивляясь течению, направилась к берегу.

– Алиса! Очнись!

Слова прозвучали настолько громко, что от неожиданности я не удержалась на ногах и упала в воду, которая оказалась обжигающе холодной. Зарботав руками и ногами, я поспешила вынырнуть, сделать глоток воздуха и открыть глаза. Голос Кирилла был уже настолько громким, что у меня заболела голова. Направив всю энергию в руки и ноги, я сделала рывок и вынырнула из воды. Сделала пару отчаянных, жадных глотков воздуха и наконец открыла глаза.

Глава 15

Я была готова ко всему, но только не к тому, что снова увижу перед собой лицо Кирилла. В панике он тряс меня за плечи и выкрикивал мое имя, пока я не открыла глаза. На мгновение он замер, внимательно всматриваясь в меня, а потом схватил обеими руками мое лицо и спросил надтреснутым голосом:

– Ты как?..

Все еще не особо понимая, что произошло, я медленно подняла вверх руки и пошевелила пальцами. Я определенно осталась в своем теле, но почему? Помню, как из-за переполняющих меня эмоций моя душа приготовилась к переселению. Помню, как Кирилл отчаянно звал меня и крепко держал за руку.

Неужели?..

В голове сразу всплыли слова шамана: «Вовсе не гормоны сдерживают наш недуг, а человек».

Я вновь взглянула на Кирилла, который ждал моего ответа.

– Все хорошо, – прошептала я.

В глазах Кирилла появилось облегчение. Он громко выдохнул, сполз на пол и прислонился спиной к дивану. Прикрыл лицо руками и глухо что-то пробубнил. Я поднялась на локтях и спросила:

– Что?

Кирилл отнял руки от лица и, задрал голову, чтобы видеть меня, повторил:

– Я чуть не сдох от волнения!

– Прости-и-и, – протянула я, обвив его крепкие плечи руками и уткнувшись носом в его шею. Запах лаванды и цитруса окутал меня с головы до ног.

Так вот, как пахнет любовь?

– Одними извинениями ты не отделаешься, – заявил Кирилл, поглаживая меня по рукам. – Теперь я хочу знать о твоей болезни все. Без утайки.

Я недовольно сморщилась. Правда ему не понравится, однако и дальше утаивать все от него тоже не стоит. Если все ему не рассказать сейчас, то потом либо он узнает все от моих вездесущих родителей, либо эта тайна будет постепенно расти, превращаясь в огромную пропасть между нами.

Вздыхнув, я сжала кулаки и сползла на пол, поближе к Кириллу. Сняла с себя куртку и ботинки, которые до сих пор были на мне, поджала ноги под себя и, снова вздохнув, начала рассказывать все с самого начала. А именно с моего первого переселения в умственно-отсталую девочку.

Мое сознание было заперто в поврежденном мозге целый месяц. Я не могла произнести ни слова, лишь мычала и выла. К телефону меня не подпускали, мысли постоянно путались. Казалось, что все это страшный сон, в котором ты хочешь закричать, но никак не можешь этого сделать. Когда я, нако-

нец, вернулась в свое тело и рассказала, что со мной произошло, мама с бабушкой начали показывать меня самым известным врачам, каких только находили. Однако нам помогла не современная медицина, а знахарство.

Я не стала подробно рассказывать обо всех моих переселениях. Упомянула лишь тот факт, что в телах мужчин мне ни разу быть не доводилась. Помолчав немного и собравшись с духом, я рассказала, как недавно переселилась в Кирилла. Мне было страшно смотреть на него, я не знала, что выражает его лицо – брезгливость, ненависть, непонимание, недоверие?..

Рассказывая о событиях из недавнего прошлого, я нервно заламывала пальцы, глядя на свои тощие коленки. Я не скрывала своих чувств – говорила все, что было у меня на душе. Как я сначала была ошеломлена переселением, как привыкала к его телу, как видела сны из его прошлой жизни. Не забыла рассказать и о том, как я по нему скучала, как переживала, как звонила его сестре и представлялась коллегой по имени Катя. Закончила я свой рассказ на моменте, когда пришла в его дом и соврала, что я сиделка.

Воцарилось гробовое молчание. Мне все еще было страшно взглянуть на Кирилла, и я, сжавшись еще больше, уткнулась носом в коленки. Гнетущее молчание давило. Тикающие настенные часы вдруг стали настолько громкими, что мне захотелось вскочить и выкинуть их из окна.

Внезапно Кирилл зашевелился. Вытянул подогнутые под

себя ноги и тихо вздохнул.

Я затаила дыхание, ожидая от него дальнейших действий.

Спустя примерно минуту он отстраненно заметил:

– А я думал, что за Катя с работы мне никак не может дозвониться...

– Я назвала первое имя, что пришло в голову, – пробубнила я в колени. – Не угадала?

– Неа.

– А ту, что звонила и орала в трубку писклявым голосом, как зовут? – Я отчаянно пыталась держать разговор на плаву.

Голос Кирилла мне не нравился. Отстраненный, безжизненный, почти холодный. Так он разговаривал со мной в нашу первую встречу. Правда, сейчас в его голосе не было презрения. Может, еще не все потеряно?..

– Карина, – спустя некоторое время ответил Кирилл.

– Ну, чуть-чуть промахнулась, – попыталась пошутить я.

Но Кирилл не посмеялся. Лишь хлопнул в ладоши и, неуверенно поднявшись, бросил:

– Мне надо все обдумать, а ты пока отдохни. Выглядишь не очень.

С этими словами он оставил меня одну, а сам направился в кухню и громко хлопнул дверью. На автомате я убрала куртку и ботинки, переделалась в домашнюю одежду и, забравшись под одеяло, свернулась комочком. Спать совершенно не хотелось, но отдохнуть все же следовало. А еще позволить Кириллу побыть одному и обдумать мои слова.

Интересно, он мне поверит?

Вопреки своим желанием, я все же задремала, а когда проснулась, почувствовала страшную жажду. Будучи уверенной, что Кирилл в кухне, я направилась в ванну, чтобы выпить воды из-под крана. Тихо пройдя мимо закрытой кухни, я распахнула дверь в ванную и обомлела. Кирилл стоял передо мной полностью без одежды. По счастливой случайности его достоинство было скрыто за полотенцем, которое он держал в руке.

– Ой, божечки! – пискнула я, отворачиваясь.

Тихий смешок Кирилла донесся до моих ушей.

– С чего вдруг стала такая стеснительная? – ехидно поинтересовался он. – Ты же все это уже видела и даже использовала.

Последнее слово прямо-таки сочилось ехидством.

Я повернула к нему голову, чтобы кинуть на парня злобный взгляд, но тут же пожалела об этом. Вместо того чтобы взглянуть на его лицо, мои глаза почему-то опустились к обнаженному торсу. Мне хотелось убежать, но ноги словно приросли к полу, а глаза не могли оторваться от широкой груди Кирилла и идеальных кубиков пресса. По телу прокатилась волна жара, и я почувствовала, что краснею. Вот же позор...

Взяв себя в руки, я с трудом переключила свое внимание с тела Кирилла на его лицо.

– Не видела, – глухо буркнула я, стараясь не отводить гла-

за в сторону.

Кирилл недоверчиво изогнул брови и немного наклонился в сторону, из-за чего полотенце в его руке опасно колыхнулось. Размеренно дыша, я всеми силами пыталась удерживать взгляд на его блестящих серо-голубых глазах. Что же они выражают? Презрение? Недоверие? Глумление?

– Как же ты переодевалась и принимала ванну? Или ты меня не мыла? – Сарказм в его голосе пугал меня.

– Я...я мылась не совсем раздетой, а переодевалась с закрытыми глазами.

– Хочешь сказать, что тебе ни разу не было интересно взглянуть? – Кирилл видел, что смущает меня этим разговором, но все равно не унимался.

Не в силах больше выдерживать его тяжелый взгляд, я опустила глаза в пол. Тогда Кирилл шагнул ко мне навстречу, а я тут же отошла на шаг назад. Схватила за ручку двери, но он не позволил мне выйти – стремительно подлетел ко мне и прижал к двери. Я зажмурилась. Главное, не смотреть на него и не думать, что он совершенно голый, а полотенце, кажется, упало на пол...

– Тебе понравилось пользоваться мной? – горячо прошептал Кирилл мне в ухо. – Понравилось жить в моем теле?

– Нет! – выкрикнула я, зажмурив глаза еще сильнее. – Я каждый день думала, как помочь тебе, как вернуть тебя обратно! Ради тебя я сбежала от родных, вонзила себе нож в руку, а потом снова сбежала от родителей! Я чуть не пересе-

лилась в другое тело, но благодаря тебе этого не произошло! Я люблю тебя, идиот! Как я могу тобой пользоваться?!

Все это я выпалила на одном дыхании, стараясь не открывать глаза и не видеть, что у Кирилла на лице. Мне кажется, я не вынесу его презрения. От мысли о том, что мое одиночество вернется, меня вдруг затрясло. Из глаз сами собой потекли горячие слезы. Я всхлипнула и невольно заскулила, а через некоторое время почувствовала, как сильные руки Кирилла обнимают меня и ласково гладят по спине. Шмыгнув носом, я обняла парня в ответ и уткнулась лицом в его плечо.

– Прости, маленькая, я довел тебя, – прошептал он мне в волосы. – Хотел поиграть с тобой, но, кажется, перегнул палку...

– Поиграть? – не поняла я. – Так ты на меня не злишься?

– Ну, – задумчиво протянул Кирилл. – Сначала я тебе не поверил, но потом, подумав, пришел к выводу, что ты не врешь. Меня все никак не покидало ощущение, что моим телом кто-то управляет. Да и твое лицо мне было знакомо, будто мы уже раньше виделись. Я поискал в Интернете информацию об этом твоём синдроме, но нашел крайне мало статей.

– Так ты не злишься? – я снова задала мучающий меня вопрос.

– Сначала мне было обидно, но потом это прошло. Перед глазами всплыла твоя милая мордашка, и я понял, что не

смогу на тебя злиться. После душа хотел разбудить тебя и обнять, но ты залетела в ванну с таким забавным выражением лица, что мне вдруг захотелось немного над тобой пошутить.

– Пошутил, – буркнула я, вытирая оставшиеся слезы.

– Прости, маленькая.

– Не называй меня так.

– Ну ты же маленькая. И по возрасту и ростом. Как мне еще тебя называть?

– Мне уже есть восемнадцать! Я не маленькая! – упрямылась я.

Ослабив объятия, Кирилл немного отстранился и заглянул в мои заплаканные глаза.

– Хорошо, взрослая. Ты – взрослая. – Он весело мне подмигнул, а потом разом сделался серьезным и прошептал: – И да, я тоже тебя люблю.

Его слова вновь разбудили стихший жар в моем теле. Места, где он касался меня, стали невыносимо горячими. Я тяжело вдохнула и медленно выдохнула. Кирилл приблизил свое лицо к моему и... потерся носом о мой нос. Я радостно засмеялась, и он улыбнулся мне так широко, что стали видны ямочки на щеках.

И тут я вспомнила, что он абсолютно голый!

Краска снова залила мое лицо. Я отстранилась от Кирилла и, не зная, куда деть взгляд, сказала:

– Давай ты оденешься, выйдешь и мы поговорим. Я по-

ставлю чай! И достану печенье! Очень вкусное печенье!

С этими словами я быстро выскочила из ванны и ринулась в кухню. Тяжело дыша, я поставила чайник, разложила печенье по тарелке, достала масло. Все это время вид полуобнажённого Кирилла преследовал меня, а в ушках раздавалось его «я тоже тебя люблю».

Водрузив на поднос еду, я потопала в комнату, где на диване уже сидел полностью одетый Кирилл и лениво переключал каналы на телевизоре. Увидев меня, он тут же подскочил и взял поднос из моих рук. Я уселась на диван и поинтересовалась, что мы будем смотреть. Кирилл отправил в рот сразу два печенья и пожал плечами.

– Включай, что хочешь, – снисходительно разрешила я, потянувшись к печенью и маслу.

Кирилл выбрал какой-то мистический фильм, который только начался, и мы принялись его смотреть. Сидя рядом с ним, намазывая масло на печенье и краем глаза следя за развитием сюжета, я вдруг поняла, что счастлива. Безмерно и безгранично. Так вот оно какое, это счастье. Простое, но такое приятное, что не описать словами. Господи, да я готова была вечно вот так намазывать печенье маслом, сидя рядом с любимым мужчиной. С моим мужчиной.

Отложив печенье, я посмотрела на Кирилла и сказала:

– Ты мой.

Он повернулся ко мне, улыбнулся и, подтверждая мои слова, произнес:

– Со всеми потрохами.

Я весело засмеялась. Хотела погладить его по щеке, но во время спохватилась, увидев, что мои пальцы в масле.

– Пойду помою руки, – сказала я, вставая с дивана.

Однако Кирилл резко схватил меня и вернул обратно. Глядя на меня своими пронзительными серо-голубыми глазами, он поднес мою руку к своему рту и медленно облизал мои пальцы. В животе тут же поднялась знойная буря, а сердце заколотилось как бешеное. Глаза Кирилла прожигали меня насквозь. Он все еще держал в руке мои пальцы, сжимая их с какой-то отчаянной силой.

Поддавшись порыву, я наклонилась и нежно коснулась его губ. Пальцы Кирилла расслабились. Он отпустил мою руку и коснулся моего лица. Легко выдохнул мне в губы, от чего по моему телу пробежали мурашки. Кирилл ласково погладил меня по лицу, едва касаясь кожи и прерывисто дыша. Поймал непослушный локон, заправил его мне за ухо, а потом отстранился и уставился в телевизор, будто ничего и не было.

Задыхаясь от возмущения, я ухватила за плечи Кирилла и уселась на него верхом. От удивления его глаза расширились, а рот приоткрылся, но я не дала ему сказать – яростно и требовательно поцеловала его, прижимаясь как можно ближе к телу парня. Безумная настойчивость овладела мной – я целовала Кирилла как в последний раз. Увлечшись, я слегка прикусила его губу, от чего он напрягся и издал тихий стон. Я обвила руками его шею и приоткрыла рот, углубляя по-

целуй. Ладони Кирилла скользнули под мою футболку, поглаживая разгоряченную спину. Когда он резким движением стянул с меня футболку, под которой больше ничего не было, я резко оторвалась от его губ и мелко задрожала. Комната кружилась у меня перед глазами, и, чтобы не завалиться на бок, я прижалась своим лбом ко лбу Кирилла.

– Боишься? – хрипло спросил он, заглянув мне в глаза.

– Волнуюсь, – честно ответила я.

– Может, в другой раз?..

Отчаянно замотав головой, я уверенно объявила:

– Нет, сейчас! Я...хочу тебя...

На короткое мгновение Кирилл застыл, вглядываясь в мое лицо, а потом в его глазах вспыхнули искры, а губы растянулись в довольной улыбке. Я улыбнулась ему в ответ и ласково погладила ямочки на его щеках.

Кирилл склонил голову и провел языком по моей шее. Тысячи мурашек пробежали по моему позвоночнику вниз, от чего я не смогла сдержать тихого стона. Довольный моей реакцией, Кирилл опустился ниже и начал целовать мои ключицы и грудь. Я сильнее обхватила его плечи и впиалась в них пальцами. Жар в животе усиливался. Казалось, что внутри меня поджигают фейерверк, который вот-вот взорвется миллионами горячих и разноцветных искр.

Развернувшись, Кирилл обхватил мои бедра и, поднявшись вместе со мной, направился к разобранному дивану. Весело хохотнув, я прижалась к нему сильнее, представляя

себя маленькой обезьянкой, которая вцепилась в могучее дерево. Положив меня на диван, Кирилл лег сверху, прижав меня своим весом. Хитро улыбнувшись, он спустился вниз и поцеловал влажными губами низ моего живота. Доля секунды, и он стянул с меня последнюю одежду. Отстранился, выпрямился и осмотрел меня жадным взглядом, от которого у меня по всему телу пробежали мурашки.

Затем Кирилл снова наклонился и, опираясь на локти, накрыл мои губы голодным поцелуем. Все это время его руки изучали мое тело, лаская его в самых сокровенных местах. Мне тоже хотелось ощущать его обнаженное тело под своими руками, поэтому, когда Кирилл на мгновение прервал поцелуй, чтобы сделать вдох, я улучила момент и тут же стянула с него футболку.

– Проказница, – промурлыкал Кирилл мне на ухо и слегка прикусил мочку уха.

Я охнула и с силой обхватила его обнаженные плечи. В темной комнате, едва освещенной экраном работающего телевизора, руки Кирилла казались черными из-за татуировок. Я провела ладонями по картинкам на его руках вниз, а потом, вернувшись к плечам, коснулась груди и рельефных мышц на животе, которые тут же напряглись. Не осознавая своих действий, я подалась вперед и, проведя губами по изгибам его мышц и груди, ласково поцеловала в ямку между ключицами. Кажется, это очень сильно подействовало на Кирилла, потому что он глухо простонал, и по его телу про-

катила волна дрожи. Довольная его реакцией, я решила продолжить свои ласки, но Кирилл не позволил мне этого.

Схватив меня за руки, он вытянул их вверх и придавил к постели. Впиваясь в меня взглядом, Кирилл накинудся на мои губы с таким голодом и яростью, что на мгновение я испугалась, не разбудила ли зверя. Однако долго держать мои руки Кирилл не смог. Ему надо было касаться меня везде и доводить до безумного экстаза. Продолжая ласкать мою кожу и разжигать мое желание, Кирилл внезапно прижался ко мне всем телом – так плотно, что между нами больше не осталось и частички воздуха.

В момент, когда мы стали одним целым, мои мысли окончательно ускользнули, оставляя лишь безумное желание, жар и чувство безграничной любви. Мою душу словно подожгли теплым, не обжигающим пламенем, от которого она поднялась высоко в небо и там взорвалась миллионами разноцветных огней. Моя душа – фейерверк, который оживает в момент, когда его поджигает рука любимого. Жаль только, что этот фейерверк одноразовый, подумала я, когда Кирилл, тяжело дыша, опустился на постель рядом со мной.

Мое тело дрожало. Заметив это, парень обнял меня и прижал к себе. На моих глазах выступили слезы – мне было грустно, что все закончилось. Волны наслаждения постепенно стихали, сменяясь слабой болью внизу живота. Некоторое время мы разговаривали о всяких мелочах, шептались друг другу слова любви, а потом глаза Кирилла хитро блеснули, а

его рука скользнула по внутренней стороне моего бедра.

Когда он начал снова, то вел себя уже немного иначе. Никакой неконтролируемой животной страсти уже не было – лишь ласковая и опьяняющая нежность. Я будто плыла на мягком ванильном облаке, а потом фейерверк внутри меня снова взорвался, и слезы на глазах выступили уже не от отчаяния, а от радости. Неужели все это происходит со мной?..

К утру измученные, но довольные, мы прижались друг к другу и укрылись одеялом. Кирилл пожелал мне спокойной ночи и почти тут же отключился. Я же, любуясь тенями на его безмятежном лице, полежала еще немного, осознавая и принимая свое счастье, а потом, уткнувшись носом в его грудь, уснула, вдыхая запах любимого.

Глава 16

Утром меня разбудил вибрирующий телефон. Сначала я пыталась его игнорировать, но он так мерзко жужжал, что, сдавшись, я схватила его и приняла вызов.

– Да, – тихо буркнула я в трубку, косясь на безмятежно спящего Кирилла.

– Алиса! Маме плохо! – в взволнованном голосе бабушки слышались панические нотки.

Сон сразу как рукой сняло. Я выскочила из постели и, быстро натянув на себя футболку, широкими шагами направилась на кухню.

– Что случилось? – спросила я, закрывая за собой дверь.

– Она разнервничалась вчера, не спала всю ночь, а сегодня утром, прямо перед отъездом домой, упала в обморок, – сбивчиво начала рассказывать бабушка.

Господи, я довела маму! Это все из-за меня!

От волнения и страха меня начало потрясывать. Держась за стол, я села на краешек стула и попыталась унять волнение. Если оно станет сильнее, мне снова будет грозить переселение.

– С ней все будет в порядке? – хрипло спросила я.

– Не знаю... Алиса! Ты должна приехать.

Да, должна. Обязательно!

– Где вы? В больнице?

– Я сейчас в отеле, – сбивчиво ответила бабушка. – Заезжай за мной, и мы вместе отправимся к твоей маме.

– Хорошо, я быстро, – пообещала я и отключилась.

Наспех собравшись, я посмотрела на спящего Кирилла и решила его не будить. Написала на листочке, что маме стало плохо, и что я уехала к ней в больницу. Положив записку на прикроватную тумбочку, я в последний раз взглянула на Кирилла и ушла.

На улице заметно похолодало, а я не надела шапку. Да и перчатки забыла взять. Хорошо, что хотя бы зонтик был с собой – какая никакая, а все же защита от падающего снега и холодного ветра.

Подойдя к отелю, я сразу увидела мамину машину, а рядом с ней и бабушку. На ее лице застыло печальное, сожаленное выражение. Списав это на волнение за маму, я уверенно двинулась к ней, однако на полпути меня вдруг схватили за руки двое мужчин в черном и потащили к машине.

– Что? Что происходит? – выкрикнула я, глядя на бабушку.

– Мне жаль, – тихо сказала она. – Мне правда очень жаль, Алиса. Но так надо...

– Что надо?! – не поняла я. – Что?!

Однако мне никто не ответил. Тогда я попыталась высвободиться, но мужчины лишь крепче сжали свою хватку. Как назло вокруг никого не было – темным рождественским утром все люди благополучно спали в своих постелях.

– Отпустите меня! – закричала я, что есть мочи. – Отпустите!

Я попыталась ударить по ноге одного из мужчин, но мне это не удалось. Только зонтик выпал у меня из рук, а саму меня затолкали в машину и закрыли за мной дверь. Я тут же схватилась за ручку, но не успела ее открыть, как в мою руку вонзилось что-то острое. Я вскрикнула и обернулась. Рядом со мной сидела мама. В руке у нее был пустой шприц.

Почувствовав слабость, я снова попыталась открыть дверь, но руки меня уже не слушались.

– Зачем? – вяло пробормотала я.

– Чтобы вылечить тебя. – Голос мамы был стальным и решительным.

Как они могли так со мной поступить?..

– Но я уже... – Я хотела рассказать, что уже начала выздоравливать, но так и не успела.

Сонливость полностью окутала мое сознание, и я провалилась в забытие.

Я долго не могла прийти в себя. Перед глазами то и дело возникали комнаты в квартире Кирилла, будто я ходила туда-сюда. При этом картинки были мутные и подернутые пленой. Голова постоянно кружилась, тело почти не чувствовалось. Попыталась поднять руку, но тщетно. Казалось, силы

окончательно оставили меня, но вдруг комнаты перед моими глазами рассеялись, и я увидела реальность.

Белая пустошь, от которой резало глаза. Четко очерченный горизонт – контраст белого и голубого, земли и неба. Нет, не земли – снега. Все вокруг в снегу. И холодно. Ужасно холодно. Мороз проникал в салон машины через открытую дверь и кусал мое лицо, впивался в него сотнями маленьких острых лезвий.

Поблизости были слышны приглушенные голоса – мама и бабушка что-то обсуждал.

– ...сделаем сейчас. Надо приступить как можно скорее. Шаманка говорила, что это занимает несколько дней, а то и неделю. – Голос мамы был нетерпеливым.

– Я боюсь, – взволнованно сказала бабушка. – Ритуал опасен. Не все выживают после него...

Что? Ритуал? Тот самый? Господи! Не может быть, что они на него решились! Они же обещали мне, клялись!

Собрав все силы в кулак, я попыталась пошевелиться, и у меня это получилось. Неуклюже выйдя из машины и повиснув на двери, я слабо крикнула:

– Нет! Я не хочу! Мне уже не надо!..

Обе женщины тут же повернули ко мне головы. В глазах бабушки сквозила боль, а взгляд мамы был холоден и полон решимости. Она кивнула кому-то, и спустя долю секунды, в мою руку вновь всадили шприц.

Во второй раз прийти в себя было еще труднее. Не знаю,

сколько я была в отключке, но за это время я полностью перестала чувствовать свое тело. Когда мой взгляд прояснился, я увидела перед собой ссутулившуюся старуху с копной нечесаных седых волос. Ее лицо было настолько сморщенным и сухим, что я еле разглядела узкие глаза. Какая-то бургятка... И как она вообще видит?..

– Где я? – Вопрос прозвучал еле слышно, как тихий свист.

Из рта вырвался клубок пара. Холодно. Здесь тоже очень холодно.

Внезапно я поняла, что страшно хочу пить, но это подождет. Сначала мне надо понять, куда меня привезли.

Старуха слегка вздрогнула, услышав мой голос, но продолжила что-то делать с моей правой рукой. Я сглотнула и повторила свой вопрос. Старуха молчала. Резкая боль резанула мою правую руку. Я вскрикнула и опустила взгляд.

– Что?! Что вы делаете?

Если бы у меня были силы, эти вопросы я бы истерично прокричала, но у меня получилось лишь хрипато прокаркать. Мои руки, пристегнутые ремнями к ручкам стула, были в длинных порезах, из которых текла кровь. Старуха грязным от крови ножом наносила мне новые порезы и расковыривала запекшуюся кровь на старых, чтобы те не заживали и продолжали кровоточить.

Я с трудом пошевелила пальцами, по которым стекали струйки крови. Рука едва дрогнула. Нет, выбраться сама я точно не смогу. Сил совершенно не было.

– Где мои родные? – прохрипела я.

Старуха сделала еще несколько порезов, от чего я сморщилась и заскулила. Наклонилась, подняла с пола какую-то грязную миску и посмотрела на ее содержимое.

– Мало, – проскрипела старуха, ставя миску на место. Я проследила за ней взглядом и в ужасе поняла, что подо мной стоит целых четыре такие миски, в которые капала моя кровь.

– Кто вы и где мои мама и бабушка? – не унималась я.

Узкие глаза-щелочки внимательно уставились на меня. Помолчав, старуха сказала:

– Я удаганша. Дана. Твои родные привели тебя сюда, чтобы я избавилась от твоей порчи.

– От порчи? Но я уже не болею. – В горле запершило, и я истошно закашляла. – Можно...можно воды?..

Старуха молча подошла к кадке на столе, стукнула половником по воде, которая покрылась корочкой льда, затем зачерпнула деревянным половником воду и поднесла его к моим губам. Я принялась жадно глотать ледяную воду. Горло тут же обожгло, но я не остановилась, пока не выпила все.

Пока старуха относила половник назад, я огляделась по сторонам. Стены и полы покрыты коврами. По краям стояли сундуки, на которых были разложены какие-то мешочки, склянки и сухие травы. Кое-где горели толстые свечи. В центре слабо горел очаг.

Сопоставив в голове снежные просторы, холод и юрту с

шаманкой, я поняла, что родители, скорее всего, привезли меня куда-то на север, чтобы провести этот жуткий ритуал.

Прикрыв глаза, я тяжело вздохнула. Голова тут же закружилась. Наверно, сказывалась потеря крови. Интересно, сколько из меня уже вытекло? Кажется, человек не может жить без двух литров...

Тем временем старуха схватила с одного из сундуков пучок сухой травы, подожгла его от свечи и принялась дымить прямо у меня под носом. Горький запах тут же попал в легкие, и я закашляла. Силы, которые начали возвращаться после того, как я попила, снова покидали меня.

– Нет, нет, нет... – забормотала я, тщетно пытаясь держать глаза открытыми.

– Спи... – приказывающим тоном велела старуха.

И я уснула.

Мне снился Кирилл. Вернее, его отражение в зеркале. А потом его руки над раковиной. Помыв их, он снова посмотрел в зеркало. Вид у парня был усталый. Под покрасневшими глазами залегли синяки, лицо осунулось. Кажется, что он не спал несколько суток.

Потом картинка помутнела и исчезла. Долгое время мне снилось просто голубое небо, а потом вдруг я увидела белый снег через запачканное стекло машины. Пейзаж похо-

дил на тот, что я видела, когда очнулась первый раз. Перед моим взором мелькнула татуированная рука Кирилла с ча-сами. Видимо, мне снилось, что я снова в его теле. Это и не удивительно – в какой-то степени мне нравилось быть им.

Однако и эта картинка вскоре помутнела, и я услышала отдаленные голоса.

– ...хочу поговорить с ней...

– ...будет сложно...она находится в глубоком...

– ...должны разбудить...

Картинка полностью исчезла. Резкий, противный запах ударил мне в нос. Я закашляла и открыла глаза. Передо мной стояла бабушка.

– Детка, ты как?

– А то не видно? – с трудом ответила я.

Я хмуро уставилась на любимую бабушку, которая меня предала. Потупив взгляд, она отошла от меня и села на один из сундуков.

– Что это за фигня? – спросила я, кивая на свои окровавленные руки. Судя по пульсирующей боли на плечах и спине, за время моей последней отключки старуха далеко продвинулась.

Бабушка открыла рот для ответа, но ее опередили.

– Это ритуал тысячи порезов, – сказала моя мама.

Она тихо вошла в юрту и, стоя у входа, куталась в дорожную блестящую шубу. Подходить ближе она не спешила. Собственно, я тоже не спешила ей радоваться. Печально осо-

Знать тот факт, что самые родные и близкие тебе люди не смогут помочь. Никто мне не сможет помочь...

– Тебе надо нанести тысячу порезов, чтобы духи вошли в твое проклятое тело и изгнали из тебя порчу, – на полном серьезе сказала мама.

Я, конечно, понимала, что моя болезнь – это нечто мистическое, но чтобы верить в эту бредятину, которая еще и может меня убить, безумие чистой воды. Однако мои родные свято верят в это безумие, поэтому спасения мне не видать. Значит, надо хотя бы узнать, что меня ждет.

– Сколько порезов осталось?

– Семьсот двадцать четыре.

Значит, сделано уже двести семьдесят шесть. И как только мое тело это вынесло?..

– Сколько прошло времени?

– Двое суток. Почти трое.

– Я не выдержу... – Мой голос дрогнул.

Признать этот факт оказалось просто, но легко на душе от этого не стало.

– Ты выдержишь, – уверенно заявила бабушка. – Я молю за тебя каждый день утром и вечером.

Как всегда она надеялась на высшую, неизведанную силу, а не на себя или на меня.

– Тебе надо больше спать, Алиса. Тогда ритуал должен пройти успешно.

Должен...

Я горько усмехнулась.

– Неужели я так вам надоела? – прошептала я, глядя вниз. – Вы меня ненавидите? Презираете? Обижены?

– Нет, что ты, милая! – замахала руками бабушка.

– Тогда чем я заслужила *такое* отношение? Что я сделала не так, чтобы оказаться связанной в какой-то юрте и терпеть телесные издевательства?! – мой голос в конце сорвался на крик.

Бабушка недовольно сжала губы, а мама даже не шевельнулась, молча выслушивая мои вопросы.

– Алиса, ты ошибаешься...

– Ты всего лишь неразумное дитя! – перебила бабушку мама. – Ты не можешь нести ответственность даже за себя! Ты не знаешь, что лучше для тебя, только мы это знаем!

– Вот уж нет! Мне уже восемнадцать, и я давно не ребенок, мама. Это твоя проблема, что ты не видишь во мне взрослого человека!

– Потому что ты еще ничем не доказала своей взрослости! Ты творишь дикие, глупые и абсолютно безответственные вещи! Спуталась с каким-то отвратительным типом, украла из дома деньги, сбежала и стала жить с незнакомым мужчиной! Ты – позор, Алиса. Позор нашей семьи. Когда ты вылечишься, то можешь идти на все четыре стороны. Я устала биться головой о стену и ждать хоть какой-то благодарности за то, что все эти годы мы с бабушкой тебя берегли.

Я многое хотела ей сказать. Ответить на ее слова, которые

были для меня как раскаленное железо, которое она снова и снова прижимала к моей коже, но я промолчала. Проглотила все, что было у меня в мыслях, и сказала лишь одно:

– Не *когда*, а *если*, мамочка.

Непонимающе уставившись на меня, мама невольно сделала шаг вперед.

– *Если* я вылечусь, – пояснила я.

– Ты вылечишься! Я молюсь...

Я одарила бабушку таким взглядом, что она замолчала на полуслове.

– Лучше бы ты не сто раз молилась, а один раз встала на мою сторону, – с горечью произнесла я, глядя на человека, которому безоговорочно доверяла всю свою жизнь.

Ну как же такое может быть? Как могут придать самые близкие, самые родные?..

Слезы подступили к глазам, но я сдержалась и не заплакала. Шмыгнула носом и с вызовом посмотрела на маму.

– Я даю тебе последний шанс. Если ты меняпустишь, я прощу тебе все это.

Я прекрасно понимала, что из-за беспокойства обо мне ее разум повредился, а бабушка была просто недалекой женщиной, которая во всем шла на поводу у своей властной дочери. По крайней мере, мне хотелось верить в то, что этими женщинами движет любовь ко мне.

В надежде я уставилась на маму. Она долго смотрела мне в глаза, а потом повернулась к старухе, которая все это время

стояла за моей спиной тихим призраком, и кивнула. Чиркнула спичка, тихо затрещали сухи травы, которые начал поедать жадный огонь. Вот и все. Выбор сделан.

Одна единственная слеза прочертила мокрую борозду на моей щеке и скатилась с подбородка, а потом вокруг меня возник дым. Спустя некоторое время я снова отключилась.

В моем сознании был полнейший бардак. Видения кружились в моей голове, постоянно сменяясь и показывая искаженные лица мамы и бабушки. Обе женины злились и ругались, а мама даже периодически отталкивала меня и что-то закрывала собой. Звуки были приглушенными, словно я находилась под водой.

Обуреваемая любопытством, я напряглась и попыталась сосредоточиться исключительно на звуке, однако ничего не получилось. Отчаяние взяло надо мной верх, я разозлилась и вдруг резко открыла глаза.

Передо мной возникла спина мамы.

– Не подходи! Не смей мешать! – истошно закричала мама кому-то.

Я перевела взгляд с ее спины на себя и с отчаянием отметила, что все еще прикована ремнями к стулу, а из порезов сочится кровь. Подняв голову, я огляделась и увидела стоящую поблизости бабушку. В глазах тут же запрыгали темные

пятна, а голова загудела. Бабушка не обращала на меня внимания, сосредоточив настороженный взгляд на ком-то, кого отгоняла от меня мама.

– Отойдите, я пришел за Алисой и без нее не уйду! – раздался вдруг страшно знакомый голос.

Кирилл?..

Быть не может. Нет, это мне только кажется. Из-за потери крови у меня начались слуховые галлюцинации.

– Ритуал еще не закончен! – воскликнула мама. – Она не вылечилась.

– Так вы ее не только не вылечите, но еще и покалечите! Отойдите!

– Нет!

Из последних сил держа голову и фокусируя взгляд на спине мамы, я увидела, как мужские руки схватили ее за плечи и осторожно, но настойчиво оттолкнули в сторону. Мама исчезла из поля моего зрения, и перед моими глазами появилось хмурое лицо Кирилла. Заметив, что я на него смотрю, он тут же прекратил хмуриться. Теперь лицо Кирилла выражало волнение. Кинувшись ко мне, он спросил:

– Как ты?

Сил ответить не было, поэтому я лишь слабо улыбнулась ему. В серо-голубых глазах парня отразилась боль. Как же он здесь оказался?..

– Не трогай мою дочь! – чеканя каждый слог, произнесла мама.

Она с такой ненавистью смотрела на то, как Кирилл расстёгивал ремни на моих руках и ногах, что мне стало страшно. Моя мама совсем обезумела, и я не знала, на что она теперь способна.

Кирилл быстро расстегнул все ремни, а потом испуганно взглянул на мои раны. Я видела, что он еле сдерживает панику – на моих руках не было живого места, а кровь не останавливалась. Помедлив немного, Кирилл снял с себя куртку, накинул ее на меня, а потом подхватил меня на руки и прижал к себе.

– Ты только держись, поняла? Постарайся не отключаться, пока не приедем в больницу.

Я кивнула и прижала голову к его груди.

Кирилл развернулся, и я увидела перед нами маму, в чьих поднятых вверх руках был кровавый нож, которым старуха делала мне порезы. Я закричала. Мама замахнулась. Кирилл сильнее прижал меня к себе. От страха я крепко зажмурила глаза и приготовилась к худшему, но ничего не произошло. Лишь что-то глухо упало на ковер.

Я осторожно открыла глаза и увидела, что бабушка крепко держит маму за руки. Нож валялся у них в ногах.

– Ты с ума сошла?! – воскликнула бабушка.

Ногой откинув нож в сторону, она отпустила мамины руки и внезапно вlepила ей звонкую пощёчину. Мама прижала руку к покрасневшей щеке и с удивлением уставилась на бабушку.

– Я потакала всем твоим причудам, потому что была уверена, что все это делается на благо Алисы. – Бабушка посмотрела на нас с Кириллом. Как и всегда, ее лицо выражало сожаление.

Она ни разу не перечила своей дочери, поэтому всегда извинялась перед внучкой за то, что ничего не могла поделать. За то, что разделяла мамины решения. За то, что ни разу не останавливала ее. До нынешнего момента.

– Прости, – тихо произнесла бабушка.

Я ничего не ответила. Кирилл лишь фыркнул. Бабушка повернулась к маме, которая все еще держалась за щеку.

– Это уже был край, Наташа. Пора остановиться.

Взгляд мамы опустился вниз. Увидев валяющийся в стороне нож, она вздрогнула и испуганно посмотрела на меня. В ее глазах стоял ужас. Кажется, она только сейчас осознала, что сделала.

Мама протянула ко мне дрожащую руку и шагнула вперед, но Кирилл резко отстранился от нее. Мама замерла.

– Алисе нужна срочная помощь врача, – холодно произнес Кирилл.

Бабушка успокаивающе положила руки на мамины плечи и, взглянув на нас, сказала:

– Возьмите нашу машину.

Кирилл кивнул и понес меня к выходу. Борясь с усталостью, я обернулась и поймала на себе два взгляда своих родных: извиняющийся и напуганный. Они смотрели на меня,

не отрываясь, и я выдержала их взгляды, а потом провалилась в забытие.

Очнулась уже в больнице. Кирилл был рядом и держал меня за руку.

– Как ты? – ласково спросил он, вглядываясь в мое лицо.

Я осторожно приподнялась и тут же сморщилась – все тело ныло от порезов. Интересно, сколько у меня будет шрамов?..

– Ты выглядишь уже намного лучше, чем пару дней назад.

– Пару дней? – переспросила я.

Кирилл кивнул.

– Ты была без сознания чуть больше двух суток. И... –

Кирилл вдруг резко замолчал, словно обдумывая, стоит ли продолжать. – Твои родные приходили. Бабушка долго извинялась за себя и за твою мать. Оставила мне свой телефон и просила сообщить, когда ты придешь в себя.

– А что мама?

– Молчала. Мне кажется, до нее дошло, какие глупости она творила.

– Возможно, – пробормотала я, отворачиваясь от Кирилла к белому больничному потолку.

Злюсь ли я на маму и бабушку? Да. Прощу ли я их когда-нибудь? Не знаю. Однако сейчас я твердо уверена в том, что не хочу их видеть. И, раз их нет рядом, бабушка это поняла. Возможно, когда-нибудь наступит день, и я захочу увидеться с ними, но пока мне нужен покой.

– Как ты меня нашел? – задала я уже давно мучающий меня вопрос.

Кирилл хитро улыбнулся, закинул ногу на ногу и вальяжно откинулся на спинку стула.

– Когда я проснулся и прочитал твою записку, то уже начал переживать. Ну а когда ты не пришла спустя два часа, а твой телефон не отвечал, я затрубил тревогу. Полетел в больницу, но тебя нигде не было. Затем в отель, где остановились твои родные, но там не было ни их, ни тебя. А потом я увидел на стойке забытых вещей твой зонтик, и тогда я конкретно запаниковал. Понял, что что-то случилось. Попросил Олега отследить тебя по номеру телефона, но тщетно. Дежавю какое-то. – Кирилл отвел взгляд в сторону и прикусил ноготь на большом пальце.

Я сразу поняла, что он вспомнил о пропаже брата. Сильнее сжала его руку и стала ждать продолжения рассказа. Помолчав немного, Кирилл продолжил:

– Я обегал почти полгорода, но без толку. Нехотя вернулся домой, завалился на диван и вырубился. Тут и началось самое странное. – Парень снова посмотрел на меня, и его глаза хитро прищурились.

Заинтригованная, я подалась к нему ближе, желая поскорее узнать, что случилось дальше.

– Мне приснилось снежное поле за окном машины. Будто я куда-то ехал. Проснувшись, я снова начал поиски, а потом, в какой-то момент я прикрыл уставшие глаза, и передо

мной снова возникло видение! Только уже не снег, а какая-то стремная бабка с ножом.

Я тихо ахнула, но Кирилл не заметил этого и продолжил рассказывать:

– Сначала я ничего не слышал, но потом ее слова отчетливо прозвучали у меня в сознании. Она назвалась какой-то удаганшей Даной, а потом сказала, что...

– ... мои родные привели меня сюда, чтобы она избавила меня от порчи, – закончила я.

Кирилл часто закивал и удивленно уставился на меня.

– И это не последнее видение, но именно после этого я понял, что почему-то вижу то, что видишь ты.

– У меня было так же. Я видела, как ты ходишь по квартире, как ты едешь по той же дороге, что и я. Возможно, это последствия того, что я какое-то время была в твоём теле... Подожди! Но как ты понял, в каком я городе? Или селе? Где я вообще была?

– Я просто пробил в Интернете эту удаганшу, – развел руками Кирилл. – Оказывается, она очень крутая бабка – имеет свой сайт, где можно даже записаться к ней на прием. Разумеется, там был и адрес. Тебя отвезли в Якутию, маленькая. В Якутию, блин!

Выслушав Кирилла, я хмыкнула. После переселения души и возможности видеть чужими глазами, рассказ про бабку в Интернете был совершенно невпечатляющим.

– Мог бы приукрасить историю, сказав, что нашел меня

благодаря зову сердца или непрекращающихся ведений, – пробурчала я, закатив глаза.

Кирилл громко рассмеялся.

– Когда наши дети будут спрашивать, как мы познакомились, именно это я им и расскажу.

Его неожиданные слова привели к тому, что мои щеки стали горячими и пунцовыми, а пульс участился.

– Так, успокойся! – Кирилл вмиг стал серьезным. – А то мне придется уйти, раз я так на тебя действую.

– Не-е-ет! – заканючила я, обеими руками схватившись за его ладонь. – Останься!

– Тогда успокойся! – велел парень.

Я отпустила его руку, сделала глубокий вдох и медленно выдохнула. Через пару минут мой пульс нормализовался. Довольный Кирилл встал со своего места и, подвинув меня, прилег рядом.

– Ты снова хочешь меня смутить? – воскликнула я. – Только что ведь успокоилась!

– Я буду молчать, – пообещал он, устраиваясь поудобнее на узкой больничной кровати.

– Тогда оставайся, – великодушно разрешила я.

Кирилл положил руку мне на живот, уткнулся носом в мою шею, нежно поцеловал ее и пробормотал:

– Вот что не говори, а все же ты со вкусом ванили.

Эпилог

Я нервно крутила на безымянном пальце правой руки аккуратное колечко с россыпью мелких сапфиров и постоянно поглядывала в сторону парковки, откуда вот-вот должен был прийти Кирилл.

В томительном ожидании я несколько раз хотела сбежать, но в последний момент что-то меня останавливало. Я разрывалась между тем, что я хочу, и тем, что было надо. Пока нет Кирилла, я все еще могу сделать то, что хочу: убежать. До позднего вечера проходить по магазинам, а потом вернуться домой, заглянуть в его серо-голубые глаза, невинно похлопать ресницами и сказать, что о встрече совершенно забыла, а телефон разрядился.

Подул холодный ветер, а затем пошел противный мокрый снег. Зима в этом году была отвратительной. Начало января, а температура все еще была нулевая. Поежившись, я надела капюшон и раскрыла свой старенький прозрачный зонтик.

Минут через пять появился Кирилл.

– Готова? – спросил он, изучающе глядя на меня.

– Нет, – честно ответила я, однако взяла его под руку и повела в сторону ресторана, где нас наверняка уже ждали – из-за пробок мы опоздали на добрых полчаса.

– Может, тогда не надо было принимать их приглаше-

ние? – спросил Кирилл.

– Скорее всего, я и еще через три года не буду готова к этой встрече. Так что лучше не затягивать. Если что-то пойдет не так, ты сразу это поймешь и заберешь меня оттуда.

Кирилл погладил меня по руке, улыбнулся и кивнул.

Прошло уже три года после ритуала. Я больше ни разу не переселялась. Пару раз выходила из-себя, но Кирилл был рядом и успокаивал меня. Тот шаман оказался прав – любовь сотворила чудо, как бы банально и слащаво это не звучало.

Какое-то время мы с Кириллом могли видеть глазами друг друга, но это быстро прекратилось. Наверно, из-за того, что я больше не переселялась. По мере того, как я становилась совершенно обычным человеком, постепенно забывая о своей болезни, Кирилл начал приобретать способность чувствовать мое настроение. Теперь он мгновенно определял, если со мной что-то не так. Порой мне даже казалось, что он понимает меня лучше самого себя.

Я не знала, чем объяснить его чутье: моей открытостью, его внимательностью или же чем-то сверхъестественным. В любом случае, мне было приятно, что он так хорошо меня понимает. Хотелось бы мне так же хорошо чувствовать его настроение, а не мучительно вглядываться в лицо и думать, о чем он так сосредоточенно думает. Хотя, зачастую я просто угадывала это. Кирилл часто думал о своих родителях и о брате. Особенно после визитов его сестры. Я несколько раз предлагала ему встретиться с ними и поговорить, но он от-

казывался. Настаивать я не собиралась, ведь у него ситуация сложнее – не он обижен на них, а они на него. Как бы ни хотел Кирилл примириться с родителями, пока они не решат все забыть, вряд ли что-то получится.

Чего не скажешь обо мне и моих родных.

В это Рождество, впервые за три года, мне позвонила бабушка и робко предложила встретиться. Подумав, я согласилась, посчитав, что пора бы уже простить ее и маму, однако сейчас мне отчаянно хотелось убежать. События трехлетней давности встали у меня перед глазами, и я вздрогнула. Посмотрела на свои руки и подумала о шрамах, скрывающихся под одеждой. Как только раны зажили, я начала потихоньку убирать те, что были заметнее всего. Сейчас их осталось немного, а через некоторое время шрамы исчезнут окончательно, а с ними, надеюсь, и воспоминания о ритуале.

Почувствовав мое волнение, Кирилл взял меня за руку и крепко сжал мои пальцы. Я признательно ему улыбнулась. Остаток пути мы проделали в молчании, слушая, как накрапывает мокрый снег.

Подойдя к ресторану, я остановилась и посмотрела на окна, через которые виднелись сидящие за столиками посетители и снующие туда-сюда официанты в длинных бордовых фартуках.

– Они уже ждут нас, – сказал Кирилл, указывая на один из столиков, за которым сидели две женщины.

Бабушка заметно постарела, а мама похудела и побледне-

ла. Обе отстраненно смотрели в разные стороны, не притрагиваясь к стоящим перед ними чашкам.

Я снова вспомнила Якутию, юрту старухи, свои кровото-чащие руки, крики мамы, нож в ее руке. Мне захотелось вернуться и убежать отсюда прочь, утягивая за собой Кирилла. В момент, когда я уже решилась на это, мама вдруг повернулась к окну и увидела меня. Ее тусклые глаза мгновенно заблестели, а губы растянулись в счастливой улыбке. Мама подняла руку и помахала мне. В ее взгляде было столько радости и надежды, что я вдруг тоже подняла руку и неуверенно помахала ей в ответ. Бабушка взглянула на маму, повернулась ко мне и, улыбнувшись, тоже начала махать.

Мои губы дрогнули в робкой улыбке. Непонятно откуда взявшаяся щемящая нежность окутала мою душу. Я стояла на месте, махала своим родным и не могла остановиться. Кирилл держал меня за руку и спокойно ждал, как верный рыцарь. С лиц мамы и бабушки не сходили счастливые улыбки. Все обиды сразу же испарились, и я вдруг остро почувствовала, как все это время скучала по родным. Как жаль, что негативные чувства не позволяли мне понять этого раньше.

Почувствовав, что из глаз текут слезы, я поспешно вытерла их рукой в варежке, закрыла зонтик и скользнула в теплое помещение ресторана.

Конец